

№ 8.
1952

129/8-52

Проверено 1964 г.

СУДЕБНАЯ
ПРАКТИКА
ВЕРХОВНОГО СУДА
СССР

СПбГУ

8

---

1 9 5 2

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

1952

№ 8

Август

ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

1. ПРОДАЖА ДОЛЖНОСТНЫМ ЛИЦОМ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ПРОЕЗДНЫХ БИЛЕТОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА ВЛЕЧЕТ УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПО УКАЗУ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ОТ 4 ИЮНЯ 1947 г. «ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ХИЩЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА»

Дело Гудковой. Определение Железнодорожной коллегии от 29 марта 1952 г.

По приговору линейного суда Горьковской ж. д. Гудкова была осуждена по ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Определением окружного суда железнодорожного транспорта Центрального округа преступление Гудковой переквалифицировано со ст. 1 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» на ч. 2 ст. 117 УК РСФСР.

Рассмотрев протест Председателя

Верховного суда СССР и материалы дела, Железнодорожная коллегия установила:

По приговору линейного суда Гудкова признана виновной в том, что она, будучи проводником вагона № 3 поезда, следовавшего Ветлужская—Горький, на ст. Семенов разрешила посадку в обслуживаемый ею вагон девяти безбилетным пассажирам, а в пути следования продала им использованные билеты до ст. Горький.

Действия Гудковой линейный суд квалифицировал по ст. 1 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Р-129/8-52

Окружной суд железнодорожного транспорта Центрального округа переквалифицировал действия Гудковой со ст. 1 Указа от 4 июня 1947 г. на ч. 2 ст. 117 УК РСФСР. Изменение квалификации суд мотивировал тем, что умысел Гудковой был направлен не на присвоение собранных ею с группы пассажиров денег за проезд, подлежащих сдаче в кассу, а на получение с них вознаграждения за безбилетный проезд, т. е. на получение взятки. Выдачу пассажирам использованных железнодорожных билетов, по мнению окружного суда, надлежит рассматривать как способ укрытия полученной взятки.

Председатель Верховного суда СССР внес протест, в котором ставит вопрос об отмене определения окружного суда и о передаче дела на новое кассационное рассмотрение в другой окружной суд.

Ознакомившись с материалами дела, Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР находит, что протест подлежит удовлетворению по следующим основаниям.

Утверждение окружного суда о том, что умысел в действиях Гудковой был направлен на получение взятки с пассажиров за безбилетный проезд по железной дороге, находится в противоречии с материалами дела.

Как установлено по делу, группа пассажиров в числе девяти человек, не успевших приобрести в кассе на ст. Семенов билеты на проезд до ст. Горький, с разрешения проводника Гудковой села в обслуживаемый ею вагон № 3 без проездных билетов, причем, как видно из показаний свидетеля Дмитриевой, во время посадки в вагон Гудкова предупредила их о том, что они купят билеты в вагоне.

На перегоне ст. Осинки — Тарасиха Гудкова раздала билеты пассажирам, которые сели в вагон на ст. Семенов без билетов, и сказала одному из них — Дмитриевой, чтобы последняя собрала деньги за проезд.

Из показаний допрошенных в судебном заседании свидетелей — Тюкановой, Кузьминой, Шумилова и Курицыной — видно, что они передавали Гудковой деньги не в качестве взятки за безбилетный провоз их по железной дороге, а для оплаты стоимости выданных им Гудковой проездных билетов.

Получая от Гудковой проездные билеты и уплачивая их стоимость, как показала на суде свидетель Дмитриева, они не знали, что эти билеты были недействительны, как уже ранее использованные.

По показаниям Гудковой в судебном заседании, она раздала пассажирам старые билеты, которые собрала с пола во время уборки вагона в свою предыдущую поездку.

При наличии таких данных в действиях Гудковой не усматривается признаков ч. 2 ст. 117 УК РСФСР.

Между тем из материалов дела видно, что пассажиры, которые сели без проездных билетов в вагон, обслуживаемый Гудковой, получая от последней в пути следования билеты и оплачивая их стоимость, предполагали, что действия их, заключающиеся в передаче денег, и Гудковой — в получении денег, являются правомерными.

Умысел же Гудковой был направлен на то, чтобы по использованным, по существу фиктивным, железнодорожным билетам получить с пассажиров деньги и обратить их в свою пользу, т. е. умысел Гудковой был направлен на хищение.

Исходя из вышеизложенного, Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР определила:

Определение окружного суда железнодорожного транспорта Центрального округа в отношении Гудковой отменить и дело о ней передать на новое кассационное рассмотрение в окружной суд железнодорожного транспорта Северо-Западного округа.

2. НЕПРАВИЛЬНАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЯ СЛУЖЕБНЫМ ПОЛОЖЕНИЕМ КАК ХИЩЕНИЯ

*Дело Рупышева. Определение Железнодорожной коллегии
от 14 мая 1952 г.*

[Извлечение]

По приговору линейного суда Печорской ж. д. Рупышев был осужден по ст. 111 УК РСФСР и ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Определением окружного суда железнодорожного транспорта Северо-Западного округа обвинение по ст. 111 УК РСФСР из приговора исключено.

Рассмотрев протест Генерального Прокурора СССР, Железнодорожная коллегия установила:

Рупышев признан виновным в том, что он, являясь экспедитором орс Опаринского лестранхоза, не сдал на склад орс один ящик водки, застав его в орс Пинюгского лестранхоза, а полученные за эту водку деньги в сумме 1200 руб. присвоил; из неустановленного источника приобрел семь штук хомутов и без документов по цене 180 руб. за каждый сдал на склад орс в покрытие стоимости несданного ящика водки; приобрел 8000 штук швейных иголок на сумму 580 руб. и без документов сдал на склад орс для продажи; 25 ноября 1948 г., получив из склада треста «Киртранлес» 40 пар женских чулок по фактуре № 417, на склад орс не сдал.

Кроме того, Рупышев признан виновным в том, что он во время приема склада орс от кладовщика Бабкина с целью сокрытия у последнего недостачи масла в количестве 12 кг и других товаров всего на сумму 1272 руб. указал в акте наличие этих товаров, а впоследствии бестоварной накладной списал эти товары на магазин орс.

Генеральный Прокурор СССР,

считая квалификацию преступления неправильной, просит переqualифицировать действие Рупышева со ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. на ст. 109 УК РСФСР.

Протест Генерального Прокурора СССР подлежит удовлетворению.

Выводы суда о присвоении Рупышевым 1200 руб., полученных из орс Пинюгского лестранхоза, не соответствуют материалам дела.

Установлено, что Рупышев и Кузякин — экспедиторы орс Пинюгского лестранхоза — погрузили в один вагон закупленную ими водку для лестранхоза. По прибытии вагона с водкой на станцию Опарино Рупышев по ошибке выгрузил водки на один ящик меньше.

Ошибка была обнаружена при выгрузке водки в Пинюгском лестранхозе, и там этот ящик водки был оприходован как излишне полученный, а Рупышеву была возвращена стоимость водки — 1200 руб.

В судебном заседании Рупышев показал, что 1200 руб. он не присвоил, а купил на них семь штук хомутов, за которые заплатил 1260 руб., и сдал их на склад орс. Эти объяснения Рупышева подтвердили на суде бывший кладовщик орс Бабкин, принявший от Рупышева хомуты, начальник орс Кокорев и главный бухгалтер орс Кононов. Из показаний этих свидетелей видно, что им было известно о засылке одного ящика водки в Пинюгский лестранхоз и о получении Рупышевым от лестранхоза 1200 руб., на которые он приобрел хомуты согласно имевшимся указаниям.

В деле имеется накладная, из которой видно, что закупленные Рупышевым хомуты были оприходованы складом.

Также не установлено корыстной заинтересованности Рупышева в бездокументном приобретении швейных иголок.

Свидетель Суслонов — инспектор орска — на суде показал, что, когда Рупышев уезжал за товарами, ему было поручено закупить иголки, так как на них был большой спрос. Стоимость купленных Рупышевым иголок была проверена по прейскуранту, и по этим ценам их продавали в магазинах. Эти же обстоятельства подтвердил в своих показаниях и бухгалтер орска Кононов.

Покупку иголок без счета Рупышев объяснил тем, что в магазине, где он покупал иголки, ему было отказано в выдаче счета. Объяснения Рупышева о покупке иголок по прейскурантной цене подтверждаются справкой магазина «Росгалантерейторга» о ценах на иголки.

Не отрицая факта выписки бестоварной фактуры и включения недостающих у Бабкина товаров в приемно-сдаточный акт, Рупышев показал, что сделано это было не с целью сокрытия у Бабкина недостачи.

Кокорев показал суду, что, когда Рупышев доложил ему о недостатке товаров у Бабкина, он приказал ему получить с Бабкина стоимость недостающих товаров. Подтверждая это обстоятельство, свидетель Кононов — бухгалтер орска, показал, что полученные от Бабкина деньги были сданы в кассу магазина орска.

Таким образом, из показаний указанных свидетелей видно, что у Рупышева не было сговора с Бабкиным на сокрытие недостачи товаров, а составление бестоварной накладной и включение в ведомость нали-

чий товаров было произведено по указанию руководства орска.

Обвинение Рупышева в том, что он недосдал Бабкину 40 пар женских чулок на сумму 288 руб., основано на показаниях Бабкина. Однако его показания о недостатке чулок противоречивы и неубедительны.

Отрицая получение 40 пар женских чулок, Бабкин в то же время показал на суде, что он включил это количество чулок в передаточную ведомость, так как ошибочно считал их принятыми.

Рупышев, утверждая, что чулки были сданы Бабкину, показал, что, по его мнению, Бабкин ошибся в подсчете сданных ему чулок. Эти объяснения Рупышева находят подтверждение в материалах дела. Так, при сдаче Бабиным склада у него был обнаружен излишек детских чулок в количестве 68 пар.

При наличии таких данных суд неправильно квалифицировал преступные действия Рупышева по Указу от 4 июня 1947 г.

Рупышев виновен в том, что, систематически злоупотребляя служебным положением, нарушал правила закупки товаров для орска и финансовую дисциплину.

В силу изложенного Железнодорожная коллегия определила:

Приговор линейного суда Печорской ж. д. и определение окружного суда Северо-Западного округа в отношении Рупышева изменить. Переквалифицировать действия Рупышева со ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» на ст. 109 УК РСФСР.

3. ОБВИНЕНИЕ В СОУЧАСТИИ В ХИЩЕНИИ ОТВЕРГНУТО, ТАК КАК ВЫВОД ОБ ЭТОМ СУДА НАХОДИТСЯ В ПРОТИВОРЕЧИИ С МАТЕРИАЛАМИ ДЕЛА

Дело Сазонова. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 23 апреля 1952 г.

[Извлечение]

По приговору Судебной коллегии по уголовным делам Ленинградского городского суда Сазонов был в чис-

ле других осужден по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголов-

ной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР приговор в отношении Сазонова оставлен в силе.

Сазонов признан виновным в том, что он, будучи директором Сестрорецкого торгова и вступив в преступную связь с главным бухгалтером торгова Козиним и завхозом того же торгова Кадеминим, также осужденными по делу, в период 1947—1948 гг. систематически допускал выдачу Кадемину подотчетных сумм свыше законного предела, не обеспечивая контроля за подотчетными лицами и за оформлением денежных документов, чем содействовал осужденному Кадемину в расхищении государственных ценностей.

Кроме того, Сазонову вменено в вину, что по сговору с Кадеминим и Козиним он подписал фиктивные документы на заготовку льда с незаконным обращением в личную пользу 8000 руб., а также незаконно представил в пользование Тихонова — начальника одного из управлений, дачу, арендованную за счет Сестрорецкого торгова.

Рассмотрев протест Генерального Прокурора СССР, Коллегия находит, что по делу не доказано соучастие Сазонова в хищении.

Сазонов виновным себя в расхищении государственных средств не признал, и других объективных доказательств, уличающих Сазонова в соучастии в хищении, по делу не собрано.

Ссылка в приговоре на то, что Сазонов визировал к оплате неправильно оформленные счета, не может быть признана основательной, так как судебно-графической и судебно-бухгалтерской экспертизами установлено, что на 49 неправильно оформленных счетах подпись Сазонова была подделана Кадеминим, а значительная часть счетов вообще подписи Сазонова не имела.

Фиктивных счетов на невыполненные работы, завизированных Сазоно-

вым, по делу не установлено, за исключением акта на заготовку льда.

Что касается этого акта, то указание в приговоре на то, что Сазонов не мог не знать, что лед фактически не заготовлен, является неубедительным. Из материалов дела видно, что утвержденный Сазоновым акт о приемке 450 куб. м льда был составлен специальной комиссией, в которую, кроме Кадемина, входили инженер Ушеров и бригадир ледоколов Тюков, которых Кадемин убедил, что указанный акт необходим для бухгалтерской «формальности». Ушеров в суде показал, что он полагал, что подписанный им акт на заготовленный лед соответствовал действительности, так как льда заготовлено было много. По делу не установлено, что Ушеров знал о фиктивности акта на заготовленный лед. При таких обстоятельствах нет оснований утверждать, что Сазонов как директор торгова, визируя акт о заготовке льда, не мог не знать, что этот акт фиктивный.

Показания осужденного Кадемина о том, что он из незаконно полученных им 15 000 руб. передал 8000 руб. Сазонову, не находят подтверждения в материалах дела.

Из дела видно, что Кадемин 15 000 руб. получил из кассы торгова не по акту и не по ведомости, подписанным Сазоновым, а по своему письменному заявлению, завизированному главным бухгалтером Козиним. Указанную сумму денег Кадемин внес в кассу торгова за несколько дней до своего ареста.

Версия суда о том, что Сазонов полученную им от завода ссуду в сумме 4000 руб. погасил деньгами, переданными ему Кадеминим, которые последний получил незаконно из кассы торгова, опровергается показаниями свидетелей Крыновой и Липуновой. Последние показали, что для погашения указанной ссуды жена Сазонова продала ряд вещей, лично ей принадлежавших.

По делу следует считать установленной виновность Сазонова в том,

что он, будучи директором Сестрорецкого торгового двора, допускал выдачу завхозу торгового двора Кадемину подотчетных сумм свыше установленного лимита, не обеспечивал должного контроля за подотчетными лицами и за оформлением денежных документов, а также незаконно предоставил в пользование Тихонова дачу, арендованную торговцем. Эти действия Сазонова надлежит квалифицировать по ст. 109 УК РСФСР.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам

Верховного суда СССР определила:

Приговор Судебной коллегии по уголовным делам Ленинградского городского суда и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР в отношении Сазонова изменить, переквалифицировать преступление Сазонова со ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» на ст. 109 УК РСФСР.

4. ПРИГОВОР ОТМЕНЕН КАК ВЫНЕСЕННЫЙ БЕЗ ДОСТАТОЧНОЙ ПРОВЕРКИ МАТЕРИАЛОВ ДЕЛА В СУДЕБНОМ ЗАСЕДАНИИ

Дело Николаева. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 12 апреля 1952 г.

По приговору народного суда 1-го участка Медвежьегорского района Карело-Финской ССР Николаев был осужден по ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Карело-Финской ССР приговор в отношении Николаева оставлен в силе.

Николаев признан судом виновным в том, что он, занимая должность старшего бухгалтера Надвоицкого леспромхоза, совершил следующие преступления: в августе 1949 года по пяти ордерам получил в кассе орсса 943 руб. и присвоил; в октябре 1949 года получил у заведующего магазином орсса Левшукова под расписку для личных целей 1000 руб., которые пытался списать за счет кражи, совершенной в магазине в январе 1951 года; отобрал в январе 1950 года на базе орсса для своей жены жакет и три метра шелка, а также водки — всего на сумму 1334 руб. и отфактуровал заведующему магазину орсса Викулину, но денег в кассу магазина не внес.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, Судебная

коллегия по уголовным делам нашла, что приговор в отношении Николаева суд вынес с нарушением ст. ст. 319 и 334 УПК РСФСР.

Из материалов дела видно, что Николаев действительно взял у Левшукова под расписку 1000 руб., но одного лишь этого факта еще недостаточно для обвинения по Указу от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». В получении денег Николаевым была выдана расписка, и, как утверждает Николаев, он эту задолженность Левшукову полностью погасил. Хотя суд в приговоре и допускает утверждение, что Николаев «пытался списать 1000 руб. за счет кражи по магазину», но из приговора не видно, на основании каких доказательств суд пришел к такому выводу. В данном случае сам по себе факт получения старшим бухгалтером орсса Николаевым у заведующего магазином того же орсса Левшукова 1000 руб. из выручки магазина является нарушением финансовой дисциплины; если не установлено умысла Николаева на присвоение этих денег, он должен нести ответственность по ст. 109 УК РСФСР.

Обвинение Николаева в получении

товаров на 1334 руб. основано на неисследованных материалах. Суд указал в приговоре, что эта «сумма была завуалирована другими проводками», но из приговора не видно, кем и каким путем эта сумма была завуалирована.

По третьему пункту обвинения суд в приговоре указал, что в августе 1949 года Николаев незаконно получил по расходным ордерам из кассы орсса 943 руб. под видом заработной платы для рабочих Никифоровых, Шальнова и других, учинив сам за них подписи, и деньги присвоил. Далее суд, давая оценку показаниям Николаева и опровергая его показания о том, что он деньги передал по принадлежности, признал в приговоре, что его доводы голословны и опровергнуты показаниями свидетелей и материалами дела. Суд, однако, не указал, пока-

заниями каких свидетелей опровергнуты утверждения Николаева.

Между тем суд неосновательно сослался в приговоре по данному пункту обвинения на показания свидетелей, так как ни один из них в суде допрошен не был, хотя их допросить было крайне необходимо.

Считая, что суд вынес в отношении Николаева приговор без достаточной проверки материалов дела в судебном заседании, Судебная коллегия по уголовным делам определила:

Приговор народного суда 1-го участка Медвежьегогорского района Карело-Финской ССР и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Карело-Финской ССР в отношении Николаева отменить и дело передать на новое судебное рассмотрение.

5. ПРИГОВОР ПОДЛЕЖИТ ОТМЕНЕ, ЕСЛИ ПО ДЕЛУ ОСТАЛИСЬ НЕВЫЯСНЕННЫМИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИМЕЮЩИЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПРАВИЛЬНОГО РЕШЕНИЯ ВОПРОСА О ВИНОВНОСТИ

I

Дело Тюрина. Определение Железнодорожной коллегии от 24 мая 1952 г.

По приговору линейного суда Ташкентской ж. д. Тюрин был осужден по ч. 1 ст. 152 УК Узбекской ССР и ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, Железнодорожная коллегия установила:

Тюрин признан виновным в том, что он, будучи заведующим хозяйством дорожной химической лаборатории Ташкентской ж. д., растратил спирт и другие материалы на сумму 410 р. 42 к. и в целях сокрытия преступления произвел подложные исправления в сторону увеличения отпуска в 32 требованиях.

В приговоре линейного суда указано, что Тюрин виновным себя не признал, но виновность его доказа-

на показаниями Рублис, Кришталь, Куценко и ряда других свидетелей, допрошенных в судебном заседании. Что показали вышеназванные свидетели на суде и почему суд оценивает их показания как доказательства вины Тюрина в инкриминируемом ему преступлении, в приговоре не указано. Также не указано в приговоре, какие объяснения дал Тюрин на суде и чем они опровергаются. Этим линейный суд нарушил ст. 334 УПК РСФСР и постановление Пленума Верховного суда СССР от 28 июля 1950 г. «О судебном приговоре».

Из материалов дела видно, что на суде свидетели Кришталь, Иванова, Краснова и Куценко показали, что они не получали спирт в таком количестве, которое указано в требованиях, но похищен ли спирт и кем именно, они не знают.

Свидетельница Рублис показала,

что в день встречи Нового года кто-то принес спирт, но кто именно, она не знает.

Из показаний свидетельницы Касьяновой видно, что она, будучи бухгалтером, и ее ученица Шувалова вносили исправления в требования на отпуск материалов, и это относилось, в частности, к расходу спирта.

Никто из допрошенных в судебном заседании свидетелей не подтвердил, что разница между полученным количеством материалов и количеством, обозначенным в требованиях, явилось результатом хищения их Тюриным и что подлоги совершены были им.

В числе недостающих у Тюрина материалов были химические товары: различные кислоты, натрий, калий и т. п.

В приговоре линейного суда утверждается, что Тюрин растратил эти товары, но такая формулировка противоречит данным судебного следствия, которым не установлено, что Тюрин кому-либо продавал эти товары или обращал в свою пользу.

Судебным следствием не установлено, какой спирт был растрачен Тюриным. Из дела видно, что часть спирта использовалась в нагревательных приборах. Не исключено, что Тюрину вменяется в вину хищение технического спирта.

Из акта экспертизы видно, что с октября 1949 года по 1 января 1950 г. поступающие в лабораторию материалы не относились в подотчет кладовщику, а списывались непосредственно на производство. С 1 января 1950 г. материалы находились в подотчете Тюрина. В каком порядке и насколько правильно передавались материалы, в акте экспертизы не отражено. Эксперты, как видно из заключения, занялись несвойственными им по закону функциями, т. е. оценкой доказанности виновности Тюрина в хищениях и подлогах.

Из показаний свидетелей Рублиса Оскара и Мягкова на предварительном следствии видно, что Тюрин

приносил спирт на квартиру Рублиса.

Согласно определению подготовительного заседания линейного суда эти свидетели подлежали вызову в судебное заседание.

В протоколе судебного заседания указано, что Рублис и некоторые другие свидетели не явились «по разным причинам», а о причинах неявки Мягкова указаний вообще не имеется. Эти показания Рублиса Оскара и Мягкова остались в судебном заседании непроверенными.

Суду надлежало допросить в качестве свидетеля гр-ку Шувалову, работавшую ученицей бухгалтера Касьяновой, по поводу исправлений, которые вносились работниками бухгалтерии в требования на выдачу материалов.

Тюрин в кассационной жалобе указывал, что ссыла на приговор на то, что он изобличается в хищении показаниями свидетелей Рублиса, Кришталь и другими, совершенно неосновательна, так как в показаниях этих лиц нет данных, подтверждающих его виновность в хищении.

Окружной суд, признавая доводы Тюрина неосновательными, в определении указал, что его виновность установлена тем, что, как показала свидетельница Рублис, он принес из лаборатории к себе на квартиру 11 стаканов, колбу, халат и некоторые другие вещи, впоследствии отобраанные при обыске, а также часто употреблял спиртные напитки.

Кроме этого, в качестве доказательств вины Тюрина окружной суд указал на показания свидетелей Кришталь, Иванова, Краснова и Куценко, подтвердивших, что требования на выдачу спирта были завышены против фактически полученного количества. Анализ материалов дела свидетельствует, что данными о расхождении количества между отпущенными и указанными в требованиях материалами и исчерпываются доказательства виновности Тюрина. Однако этих данных недостаточно для постановления обвини-

тельного приговора по вышеизложенным основаниям.

По обвинительному заключению, а также и по приговору суда Тюрина не инкриминировалось хищение стаканов, колбы и халата. Таким образом, окружной суд нарушил требования постановления Пленума Верховного суда СССР от 1 декабря 1950 г. «Об устранении недостатков в работе судов по рассмотрению уголовных дел в кассационном порядке», которым указано, что суды второй инстанции не

вправе устанавливать и считать доказанными факты, не указанные в приговоре.

В силу изложенного Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР определила:

Приговор линейного суда Ташкентской ж. д. и определение окружного суда железнодорожного транспорта Средне-Азиатского округа в отношении Тюрина отменить и дело направить на новое судебное рассмотрение в тот же суд в ином составе.

II

Дело Крапивина. Определение Железнодорожной коллегии от 24 мая 1952 г.

По приговору линейного суда Южно-Уральской ж. д. Крапивин осужден по ч. 2 ст. 117 и по ст. 170 УК РСФСР и оправдан по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Определением окружного суда железнодорожного транспорта Урало-Сибирского округа определение подготовительного заседания и приговор линейного суда Южно-Уральской ж. д. по делу Крапивина отменены и дело направлено на новое рассмотрение подготовительного заседания.

В протесте Председатель Верховного суда СССР ставит вопрос об отмене состоявшихся судебных решений и передаче дела на исследование.

Рассмотрев протест, Железнодорожная коллегия установила:

Крапивин — мастер колесного цеха Магнитогорского вагонного депо — был привлечен к уголовной ответственности по ст. 109 УК РСФСР, по ч. 1 ст. 120 УК РСФСР и ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

По обвинительному заключению Крапивину вменялось в вину совершение следующих преступлений: понуждение рабочих Косаревой и других к даче ему денег в виде подарков; включение в наряды на произведенную работу вымышленных лиц Васюкина и Васюникова и присвоение начисленных этим лицам денег в сумме 80 р. 70 к.; расхищение государственных средств путем незаконного увеличения расценок, приписок фактически невыполненных работ и составления фиктивных нарядов с последующим понуждением рабочих к получению начисленных денег и передаче ему.

Определением подготовительного заседания линейного суда дело было принято к производству по квалификации преступления, изложенной в обвинительном заключении.

По приговору линейного суда Рязано-Уральской ж. д. Крапивин был оправдан по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» за недоказанностью преступления.

Вмененное в вину Крапивину незаконное понуждение рабочих к даче денег в виде подарков переква-

лифицировано со ст. 109 УК РСФСР на ч. 2 ст. 117 УК РСФСР, о внесении подложных исправлений в денежные документы переквалифицировано с ч. 1 ст. 120 УК РСФСР на ст. 170 УК РСФСР.

Окружной суд железнодорожного транспорта Урало-Сибирского округа приговор и определение подготовительного заседания линейного суда отменил ввиду назначения Крапивину наказания по новой формулировке обвинения и по ч. 2 ст. 117 УК РСФСР, предусматривающей более тяжкое наказание, чем предусмотрено санкцией ст. 109 УК РСФСР.

Состоявшиеся судебные решения подлежат отмене по следующим основаниям:

Обвинение Крапивина в хищении денежных средств и вымогательстве денег основано на противоречивых свидетельских показаниях.

Свидетельница Косарева по поводу обвинения Крапивина в хищении на предварительном следствии показала, что в январе и апреле 1950 года она в выходные дни не работала, однако по фиктивным нарядам ей были начислены деньги: в январе 1950 года по ведомости № 91 30 р. 57 к. и в апреле 1950 года по ведомости № 477 — 30 р. 04 к., которые она получила и полностью передала Крапивину. По остальным двум ведомостям, предъявленным ей на предварительном следствии, т. е. по ведомости № 698 за июнь 1950 года, по которой ей было начислено 20 руб., и по ведомости № 414 за апрель 1950 года на сумму 22 р. 03 к., Косарева показала, что деньги она не получала и в ведомостях не расписывалась.

Будучи же допрошенной в судебном заседании, Косарева дала совершенно иные показания. Если на предварительном следствии она утверждала, что по ведомости № 698 начисленные ей 20 руб. она не получила и кто расписался в ведомости не знает, то на суде показала, что деньги по этой ведомости полу-

чила и в получении расписалась. На предварительном следствии Косарева признала получение денег в сумме 30 р. 04 к. и свою расписку на ведомости № 477, в судебном заседании получение денег и расписку на этой ведомости она отрицала.

На предварительном следствии Косарева утверждала, что по двум ведомостям получила 60 р. 61 к. и полностью деньги передала Крапивину, а на суде показала, что получила 51 руб., из которых 10 руб. дал ей Крапивин.

В своих первоначальных показаниях на предварительном следствии Косарева утверждала, что 22 января 1950 г. она работала на станке и потому работать на уборке территории депо не могла. Когда же органы предварительного следствия установили, что Косарева в этот день на станке не работала, она в последующих показаниях стала утверждать, что за работу 22 января 1950 г. на станке Крапивин ей не выписал наряда и деньги она якобы за работу в этот день не получила.

Противоречивы также показания Косаревой в отношении того, что Крапивин вымогал у нее деньги. На предварительном следствии Косарева утверждала, что на протяжении с января по октябрь 1950 года ежемесячно платила Крапивину по 50 руб., выплатив ему всего 450 руб., не объясняя, однако, причин выдачи Крапивину денег.

В судебном же заседании Косарева показала, что Крапивин всегда требовал на водку, и тем рабочим, которые не давали Крапивину денег, он браковал изделия, однако, чью именно работу Крапивин неосновательно забраковал, Косарева не сказала, и суд это обстоятельство не выяснил.

Аналогичные противоречия имеют место и в показаниях свидетельницы Лесняк.

На предварительном следствии Лесняк показала, что Крапивин вымогал взятки и что она ему дала в

1950 году: в мае — 100 руб., в июне — 50 руб., в августе — 250 руб. и в сентябре — 50 руб., а всего 450 руб.

В судебном же заседании Лесняк изменила свои показания и объяснила, что она давала Крапивину ежемесячно по 50 руб., а в сентябре дала сразу Крапивину 200 руб., которые Крапивин ей не возвратил.

На предварительном следствии Лесняк показала, что, как только она перестала давать взятки Крапивину, у нее снизился заработок до 130 руб. в месяц, и она вынуждена была уволиться с работы в октябре 1950 года.

Между тем из справки, имеющейся в деле, видно, что заработная плата Лесняк на протяжении 1950 года составляла в среднем около 1000 руб., а в октябре 1950 года, когда, по ее утверждению, она была вынуждена уволиться вследствие низкого заработка, она заработала 1044 руб. Причины столь существенных противоречий между показаниями свидетельницы Лесняк и приложенной к делу справкой предварительным следствием и судом не выяснены.

В октябре 1950 года Крапивин был снят с должности мастера цеха, следовательно, не было необходимости Лесняк увольняться. Однако после снятия Крапивина с работы Лесняк уволилась по собственному желанию.

На предварительном следствии свидетель Жердеев утверждал, что он дал Крапивину взятку в сумме 180 руб., так как Крапивин выпрашивал деньги, заявляя, что «если хотите заработать, то давайте мне деньги».

На суде же Жердеев показал, что Крапивин у него денег не требовал, а только намекал на это, а он, боясь потерять работу, вынужден был давать деньги Крапивину. Свидетель Трисеев утверждал, что дал Крапивину 100 руб., не объяс-

нив, однако, на предварительном следствии, за что именно он дал Крапивину деньги. Отсутствуют эти указания в показаниях Трисеева и при его допросе в судебном заседании.

Трисеев, как видно из его объяснений, дал Крапивину 100 руб. из денег, полученных им по наряду, выписанному Крапивиним за работу во внеурочное время.

Свидетель Тараскин как на предварительном следствии, так и в судебном заседании показал, что Крапивин говорил ему, чтобы он, Шилин, Трисеев и Иванов дали ему по 100 руб. якобы за приписку в нарядах.

Свидетельница Чуфистова показала, что получила 150 руб. за сверхурочные работы, тогда как в действительности не работала, а деньги отдала Крапивину.

Линейный суд мотивировал оправдание Крапивина по ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» тем, что хищение денег при посредничестве Чуфистовой, Ломаева, Жердеева и Трисеева не подтверждено документами, на которые ссылаются вышеуказанные свидетели, так как наряды в архиве депо не разысканы, а присвоение денег, выписанных на имя Васюкина и Васюникова в сумме 80 р. 70 к., является незначительным.

Нельзя согласиться с доводами суда о том, что отсутствие нарядов, на которые ссылаются свидетели Чуфистова, Ломаев, Жердеев и Трисеев, не дает основания проверить эти показания. Приобщенная к делу справка главного бухгалтера вагонного депо, на которую ссылается суд в приговоре, указывает, что наряды не представляется возможным разыскать ввиду хаотического состояния архива. Из этого видно, что в процессе предварительного следствия не было принято надлежащих мер к розыску требуемых

нарядов путем тщательного осмотра архива депо.

Органы предварительного следствия вменяли Крапивину в вину расхищение государственных средств и вымогательство взяток у рабочих под видом подарков.

В процессе дополнительного следствия необходимо выяснить причины противоречия в показаниях свидетелей, установить, насколько правильно вменялось в вину Крапивину получение денег у рабочих, и проверить, не являлись ли приписки в

нарядах способом организованного хищения государственных средств.

В силу изложенного Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР определила:

Приговор и определение подготовительного заседания линейного суда Южно-Уральской ж. д. и определение окружного суда железнодорожного транспорта Урало-Сибирского округа в отношении Крапивина отменить и дело о нем направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

III

Дело Рзаева. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 29 апреля 1952 г.

По приговору народного суда Кубатлинского района Азербайджанской ССР Рзаев был осужден по совокупности по ст. 139³ УК Азербайджанской ССР (обмеривание и обвешивание) и ст. 3 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Азербайджанской ССР приговор оставлен в силе.

Рзаев признан виновным в том, что, работая шефом-поваром столовой Кубатлинского райпо, он 23 декабря 1950 г. обвесил гр-на Абассова, отпустив ему одну порцию соуса с недовесом на 22 г. Кроме того, за время своей работы с декабря 1949 года по октябрь 1950 года присвоил и растратил разных продуктов на 2943 руб. После установления недостачи в целях покрытия ее он забил свою телку, мясо которой использовал на кухне, поэтому при проверке его отчетов за время

с 1 октября 1950 г. по 4 января 1951 г. у него оказался излишек разных продуктов.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила, что дело надлежит направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия по следующим основаниям:

Рзаев, не признавая себя виновным, объяснил, что обеды из кухни отпускались на глаз, так как никаких мерок и весов не имеется, поэтому возможно, что в одном случае отпускается меньше, а в другом больше. Между тем при проверке его отчетов бухгалтерия неправильно разъединила их на два периода, в результате чего у него по первому отчету оказалась недостача, а по второму — излишек.

Органы расследования, ограничившись единственным случаем, не заинтересовались выяснить, имели ли место случаи обвешивания в прошлом, были ли жалобы на Рзаева, составлялись об этом акты или случай

неправильного отпуска порции соуса гр-ну Абассову является единственным. Не выяснено, каким образом должен был отпускать Рзаев продукцию из кухни — по весу или по мерке — и был ли он снабжен ими.

Не исследовано с достаточной полнотой и обвинение Рзаева в присвоении продуктов на 2943 руб. В деле имеются два акта, составленные одновременно, но на разные периоды — с декабря 1949 г. по 1 октября 1950 г. и с 1 октября 1950 г. по 4 января 1951 г. По первому акту установлена недостача, а по второму — излишек.

Рзаев просил объединить оба акта и установить, нет ли пересортицы.

Однако органы следствия и суд неосновательно отклонили ходатайство осужденного, мотивируя это тем, что на 1 октября 1950 г. у Рзаева по кухне остаток мяса не числится, а на 4 января 1951 г. имеется излишек.

Свидетель — бухгалтер райпо Мехтис — показал, что разъединение актов на два периода работы Рзаева является неправильным, так как часть продуктов, отпущенных в конце месяца, как продукция кухни, записывается на следующий месяц, и что у Рзаева вообще могла быть недостача только 675 руб.

Из актов проверки видно, что как излишек, так и недостача состоят из однородных продуктов. Рзаев же показал, что в случае отсутствия однородных продуктов ему приходилось заменять одни продукты другими, это обстоятельство также не исследовано.

Обвинение в присвоении продуктов на 2943 руб. органы следствия и суд обосновали показаниями свидетелей Манафова, Мамедрзаева, Мамедова и Шахверакова. Однако показания этих свидетелей недостаточно проверены, и к тому же из них вовсе не вытекает вывод о доказанности присвоения продуктов.

Допрошенный в качестве свидетеля Манафов показал, что он по раз-

решению главного бухгалтера райпо купил у Рзаева 1 кг мяса за 20 руб. и деньги по предложению этого бухгалтера внес в кассу столовой в счет отпускаемых из кухни обедов.

Мамедрзаев показал суду, что он 23 декабря 1950 г. купил 1 кг мяса и попросил Рзаева пожарить его, деньги же уплатил подавальщице Вере Гречкиной, 1 кг мяса покупала его жена, и 25 декабря он купил еще 1 кг мяса.

Допрошенный по этому поводу заведующий мясным ларьком райпо Мамедов показал, что Рзаев при расчете с ним за отпущенное для кухни столовой мясо 25 декабря 1950 г. сдал ему 60 руб. — стоимость проданного из кухни мяса.

Допрошенный помощник повара Шахвераков подтвердил только продажу мяса из кухни, заявив при этом, что куда сдавал Рзаев деньги от реализации мяса, ему не известно. Однако органы расследования и суд не выяснили, действительно ли официантка Вера Гречкина получала за мясо деньги, как вообще оформлялась продажа мяса, не выяснено, кому платила деньги за мясо жена Мамедрзаева.

В деле имеются акты на порчу 6 кг макарон и 78 штук яиц, но по неизвестным причинам указанные в этих актах продукты с Рзаева не списаны.

Таким образом, надлежит признать, что приговор вынесен по явно неисследованным материалам дела и подлежит отмене.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда Кубатлинского района и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Азербайджанской ССР в отношении Рзаева отменить и дело направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

6. НЕПРАВИЛЬНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ПРИМЕЧАНИЯ К СТ. 6 УК РСФСР К НАРУШИТЕЛЯМ ФИНАНСОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ, ПРИЧИНИВШИМ КРУПНЫЙ УЩЕРБ ГОСУДАРСТВУ

*Дело Богданова А. Н. и Богданова К. И. Определение
Судебной коллегии по уголовным делам от 12 апреля 1952 г.*

По приговору народного суда 1-го участка Кондопожского района Карело-Финской ССР Богданов А. Н. и Богданов К. И. были осуждены по ст. 109 УК РСФСР.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Карело-Финской ССР приговор народного суда в отношении Богданова А. Н. и Богданова К. И. отменила и дело на основании примечания к ст. 6 УК РСФСР производством прекратила.

Рассмотрев протест Генерального Прокурора СССР, Коллегия нашла, что определение Судебной коллегии Верховного суда Карело-Финской ССР подлежит отмене по следующим основаниям:

Богданов А. Н. и Богданов К. И. признаны виновными в том, что они, первый, работая председателем фабкома профсоюза Кондопожского бумажного комбината, а второй — бухгалтером того же бумажного комбината, на протяжении 1951 года, злоупотребляя своим служебным положением, систематически нарушали финансово-кассовую и сметную дисциплину, а именно: 3 апреля 1951 г. Богданов А. Н. издал незаконное распоряжение, согласно которому с 1 января 1951 г. установил дополнительную оплату штатных работников дома культуры за счет средств по безлюдному фонду. Одновременно этим же распоряжением были созданы дополнительные штатные единицы — билетера дома культуры и бухгалтера фабричного комитета.

Несмотря на указание отделения Государственного банка о незаконности расходования денежных средств, Богдановы и в последующие месяцы производили дополнительные оплаты некоторым работникам и содержали две сверхштатные единицы, выплачивая им деньги

из безлюдного фонда. Всего было незаконно израсходовано за десять месяцев из безлюдного фонда 19 600 руб.

Злоупотребляя своим служебным положением, Богдановы систематически на протяжении 1951 года выписывали чеки по статье «Соцстрах» с тем, чтобы беспрепятственно получать наличные деньги из Госбанка, а затем эти деньги обращали на разного вида расходы, не связанные с социальным страхованием.

Верховный суд Карело-Финской ССР, прекращая дело производством, сослался на то, что якобы «расходование безлюдного фонда на дополнительную оплату работников, которые были утверждены по штатному расписанию дома культуры, и оплату двух работников, которые работали сверх штата, производилось с ведома и согласия ЦК профсоюза, что практиковалось и раньше 1951 года. Выписка денег из Госбанка из графы «Соцстрах» на хозяйственные расходы производилась с ведома и согласия управляющего отделением Госбанка».

Эти утверждения не являются убедительными. Из дела видно, что управляющий отделением Госбанка на предварительном следствии показал, что он разрешил руководству фабричного комитета только лишь получение некоторых сравнительно небольших сумм по статье «Соцстрах» для расходования их не по целевому назначению, как то: покупку художественной литературы один раз, на устройство детского утренника, для артистов, приехавших на гастроли. Других расходов из сумм, полученных по статье «Соцстрах», для использования их не по целевому назначению он не разрешал.

Пользуясь этим случаем, Богдановы систематически выписывали

чекки по статье «Соцстрах» и полученные из банка деньги расходовали на такие цели, как выплата наличных денег «Карелфинторгу», покупку материала, покупку у частных лиц по счетам товаров, выдачу заработной платы фотографу и т. д.

Что же касается согласия ЦК профсоюза на расходование безлюдного фонда на дополнительную оплату работников, которые были утверждены по штатному расписанию дома культуры, то такого разрешения, как видно из протокола допроса свидетеля Шумцина, ЦК профсоюза не давал. В финансовом отчете, который ЦК профсоюза получал от фабкома, имелась только общая сумма расхода по фонду заработной платы, из которой возможно установить лишь общий перерасход фонда, а не распределение расхода по статьям сметы.

Прекращение дела производством на основании примечания к ст. 6 УК РСФСР является принципиально не-

правильным, так как нельзя признать малозначительным и лишенным вредных последствий преступление Богдановых, выразившееся в грубом нарушении сметно-финансовой дисциплины, что привело к незаконному израсходованию из безлюдного фонда 19 600 руб.

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Карело-Финской ССР вынесено без учета указаний правительства об усилении борьбы с нарушением штатной дисциплины.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Карело-Финской ССР в отношении Богданова А. Н. и Богданова К. И. отменить, возвратив дело на новое кассационное рассмотрение в тот же суд, но в ином составе судей.

7. ПРИГОВОР ОТМЕНЕН ВСЛЕДСТВИЕ НЕОСНОВАТЕЛЬНОГО ОСУЖДЕНИЯ ЗА ХАЛАТНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ВЫПОЛНЕНИЮ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

Дело Меликова и Фарапонова. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 14 мая 1952 г.

По приговору народного суда 3-го участка Городского района г. Баку Меликов и Фарапонов осуждены по ч. 1 ст. 146 УК Азербайджанской ССР на один год лишения свободы.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Азербайджанской ССР приговор оставлен в силе.

Рассмотрев протест Генерального Прокурора СССР, в котором ставится вопрос об отмене приговора и определений в отношении Меликова и Фарапонова и прекращении дела дальнейшим производством за отсутствием в их действиях состава преступления, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

Меликов и Фарапонов признаны виновными в том, что Меликов, работая товароведом-бракером хлебозавода «Бакхлебторг», а Фарапонов — возчиком «Бакхлебторга», допустили преступно-халатное отношение к своим служебным обязанностям.

Во время дежурства Меликова 1 июня 1951 г. на завод приехал возчик Фарапонов за получением хлеба для магазина № 2. Получив по накладной 150 кг хлеба, Фарапонов доставил его в магазин № 2, где при сдаче хлеба оказалось 162,5 кг, т. е. на 12,5 кг больше, чем значилось по документам.

Приговор и определение подлежат отмене, а дело прекращению дальнейшим производством по следующим основаниям:

Материалами дела установлено, что 1 июня 1951 г., в первый день работы Меликова на заводе, приехавшему за получением хлеба для магазина № 2 возчику Фарапонову было отпущено согласно документам 150 кг хлеба. При проверке веса полученного хлеба в магазине был выявлен излишек 12,5 кг. Излишне полученный хлеб Фарапонов сразу же отвез на завод и сдал.

Допрошенный по этому поводу Меликов объяснил, что 12,5 кг лишнего хлеба Фарапонову могло быть отпущено в результате ошибки при взвешивании. Это объяснение не только не опровергнуто, но и подтверждается материалами дела.

Как установлено при расследовании, хлеб на заводе взвешивался в ящиках, вес которых различен. Разрыв веса между первым и вторым ящиками составлял 12,5 кг, т. е. такое количество, на которое оказался излишек хлеба.

Таким образом, установлено, что хлеб мог взвешиваться в ящике более легком, а засчитываться вес более тяжелого ящика, в результате чего и могла произойти выдача излишнего хлеба.

Даже при условии признания доказанным, что отпуск 12,5 кг лишнего хлеба произошел по ошибке Меликова в подсчете веса ящика, привлечение его к уголовной ответственности являлось не справедливым, так как действия Меликова не выходили за пределы служебного проступка, учитывая их малозначитель-

ность и отсутствие вредных последствий.

Однако даже наличие служебного проступка в действиях Меликова не установлено. Из материалов дела видно, что хлеб Фарапонову отпуская материально-ответственный приказчик завода Багдасаров, на обязанности которого лежало проверять правильность веса.

Факт отпуска хлеба Багдасаровым подтвердил и Фарапонов, показавший далее, что при получении хлеба Меликов предлагал ему проверить правильность отпущенного хлеба по весу и по количеству буханок, но он, Фарапонов, этого не сделал.

Фарапонов также не может нести уголовной ответственности по ст. 146 УК Азербайджанской ССР, так как не установлено, в чем проявилась его халатность, поскольку полученный хлеб по количеству буханок он сдал правильно, отвез на завод излишне полученный хлеб, и у него никакой недостачи нет.

Поэтому, соглашаясь с протестом, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда 3-го участка Городского района г. Баку и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Азербайджанской ССР в отношении Меликова и Фарапонова отменить и за отсутствием в их действиях состава преступления дело производством прекратить.

8. ПРИГОВОР ИЗМЕНЕН, ТАК КАК НАНЕСЕНИЕ ТЕЛЕСНОГО ПОВРЕЖДЕНИЯ НЕПРАВИЛЬНО КВАЛИФИЦИРОВАНО СУДОМ КАК ИСТЯЗАНИЕ

Дело Садыгова. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 7 мая 1952 г.

По приговору народного суда Джебраильского района Азербайджанской ССР Садыгов осужден по ч. 2 ст. 184 УК Азербайджанской ССР.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного су-

да Азербайджанской ССР приговор оставлен в силе.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, в котором поставлен вопрос о переквалификации преступления Садыгова на ч. 1 ст. 184 УК Азербайджанской ССР,

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

Садыгов признан виновным в том, что он 28 июля 1951 г. нанес своей жене Мамедовой один-два удара по голове тупым предметом, в связи с чем Мамедова была отправлена в Джебрайльскую больницу и находилась на излечении несколько дней.

Материалами дела установлено, что Садыгов, возвратившись 27 июля 1951 г. с работы домой, не застал дома своей жены Мамедовой, которая, поссорившись с матерью Садыгова, ушла к своим родителям. Садыгов 28 июля 1951 г. пошел в дом родителей жены и предложил Мамедовой возвратиться домой. В связи с тем, что Мамедова не хотела идти с Садыговым, последний нанес ей удары по голове тупым предметом, причинив ей ранение головы.

Из имеющейся в деле справки врачей, освидетельствовавших Мамедову, видно, что у последней в левой части головы имеется резаная рана размером 10 × 2 см, края раны ровные, но рана глубокая, имеется сильное кровотечение.

Мамедова на судебном следствии подтвердила, что по поводу ранения она находилась в больнице в течение трех дней. Это обстоятельство установлено и другими материалами дела.

Осужденный Садыгов признал себя виновным в том, что он во время ссоры со своей женой нанес ей один-два удара по голове камышом.

В протесте правильно ставится во-

прос о неправильной квалификации преступления Садыгова по ч. 2 ст. 184 УК Азербайджанской ССР, поскольку действия Садыгова не носили характера истязания, однако неправильно предлагается квалифицировать его преступление по ч. 1 ст. 184 УК Азербайджанской ССР.

Материалами дела установлено, что Садыговым было причинено Мамедовой умышленное телесное повреждение «средней тяжести», как указано в справке врачей, в результате которого она в течение трех дней находилась на излечении.

При этих обстоятельствах действия Садыгова надлежит квалифицировать по ст. 180 УК Азербайджанской ССР как нанесение менее тяжкого телесного повреждения, не опасного для жизни, но причинившего расстройство здоровья, а не по ч. 1 ст. 184 Азербайджанской ССР, предусматривающей ответственность за нанесение удара, побоев или иных насильственных действий с причинением лишь физической боли.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

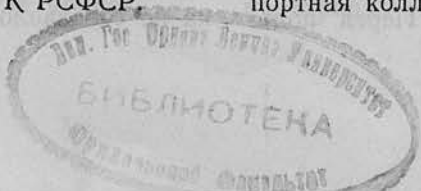
Приговор народного суда Джебрайльского района Азербайджанской ССР и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Азербайджанской ССР в отношении Садыгова изменить — преступление Садыгова с ч. 2 ст. 184 УК Азербайджанской ССР переqualифицировать на ст. 180 УК Азербайджанской ССР.

9. НАЛИЧИЕ ПРИЧИННОЙ СВЯЗИ МЕЖДУ НАРУШЕНИЕМ ПРАВИЛ ОХРАНЫ ТРУДА И УТРАТОЙ ИЛИ ВОЗМОЖНОЙ УТРАТОЙ РАБОТНИКОМ ТРУДОСПОСОБНОСТИ ЯВЛЯЕТСЯ ОБЯЗАТЕЛЬНЫМ УСЛОВИЕМ ПРИ ВМЕНЕНИИ ПОДСУДИМОМУ В ВИНУ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО Ч. 3 СТ. 133 УК РСФСР

Дело Зализняка и Уфимцева. Определение Водно-транспортной коллегии от 9 февраля 1952 г.

По приговору линейного суда Камско-Вятско-Бельского бассейна Зализняк и Уфимцев были оправданы по ч. 3 ст. 133 УК РСФСР.

Рассмотрев кассационный протест прокурора Молотовского участка Камского бассейна, Водно-транспортная коллегия установила:

При расследовании обстоятельств несчастного случая, происшедшего с работницей Шамсигалеевой, органами следствия были привлечены к уголовной ответственности по ч. 3 ст. 133 УК РСФСР начальник строительной группы Камского бассейнового управления Зализняк и начальник технического отдела Уфимцев.

Как утверждается в обвинительном заключении, вина Зализняка состоит в том, что он не обеспечил соблюдения правил по технике безопасности.

По вине Зализняка подъемный кран оказался технически неисправным. Крановщик Наймушина не имела соответствующей подготовки. Инструктаж по технике безопасности не производился, и, в частности, потерпевшая Шамсигалеева к месту работы крана была допущена без инструктажа о правилах личной безопасности.

Уфимцеву предъявлено обвинение в том, что он нарушил правила по эксплуатации подъемного крана. По его указанию работа производилась при отсутствии паспорта, свидетельствующего об исправном состоянии крана. Между тем кран был отремонтирован недоброкачественно и в день несчастного случая был в техническом отношении неисправным.

Крановщик Наймушина работала, не имея права на управление краном. Рабочее место не было ограждено. Механика по наблюдению за состоянием крана не было.

Линейный суд, рассмотрев дело в судебном заседании, вынес Зализняку и Уфимцеву оправдательный приговор.

В приговоре суд указал, что Шамсигалеева вместе с другими рабочими разравнивала песок внутри строящегося дома. Место, где они работали, по условиям работ было безопасным, причем перед началом работы мастер Мартемьянов инструктировал рабочих о порядке производства работы и по технике безопасности.

Подъемный кран был установлен у строящегося дома. Перед подъ-

емом досок на второй этаж рабочие вторично были предупреждены в необходимости соблюдать личную безопасность.

Бригадир Аюпова предупредила Шамсигалееву о том, что на период работы крана выходить из помещения строящегося дома нельзя.

Шамсигалеева, однако, не обратила внимания на предупреждение, пошла по направлению к крану в то время, когда стрела крана с досками упала.

Суд признал установленным, что между вменными Зализняку и Уфимцеву нарушениями и несчастным случаем с Шамсигалеевой нет причинной связи.

Кроме того, суд в приговоре указал, что Зализняк в должности начальника строительной группы работал только шесть дней, сам достаточных технических познаний не имеет и что кран был установлен на строительной площадке за два месяца до его поступления на работу.

Исходя из этого, суд признал, что оснований к обвинению Зализняка в том, что кран находился в неисправном состоянии и что крановщик Наймушина не была достаточно подготовлена к выполняемой работе, не имеется.

В обязанности Зализняка не входил инструктаж рабочих по технике безопасности. Необходимости в том, чтобы Зализняк проинструктировал Шамсигалееву по правилам личной безопасности, не было, так как этот инструктаж был произведен мастером.

Уфимцеву, как это было видно из приговора, об отсутствии паспорта на кран и о недоброкачественном ремонте крана известно не было. На каждом строительном участке должен быть механик, однако механика не было не по вине Уфимцева.

Огораживать механизмы Уфимцев не должен был, так как это не входило в его должностные обязанности.

При данных конкретных обстоятельствах дела отсутствие механика не создавало угрозы для личной

безопасности рабочих, так как и механик, если бы он находился на строительстве, не смог бы предотвратить несчастного случая.

Прокурором Молотовского участка Камского бассейна на приговор суда принесен кассационный протест. В протесте указано, что показания свидетелей Виноградова и Иванкина свидетельствуют о том, что Уфимцев является ответственным за исправное состояние механизмов.

По вине Зализняка место работы крана ограждено не было, и Наймушина работала крановщиком, не имея права управления, а показаниям Аюповой суд дал неправильную оценку.

Считая, что оправдательный приговор судом вынесен вопреки фактическим обстоятельствам дела, прокурор в протесте ставит вопрос об отмене приговора и обращении дела на новое судебное разбирательство.

Рассмотрев материалы дела, Коллегия находит, что протест прокурора удовлетворению не подлежит, так как приговор суда вынесен в соответствии с обстоятельствами, установленными в судебном заседании.

Линейный суд правильно указал, что имевшие место нарушения не находятся в причинной связи с наступившими последствиями.

Из заключения технической экспертизы, данном при судебном разбирательстве дела, видно, что авария крана произошла вследствие неправильной сварки отдельных частей крана.

Недостаточная опытность крановщика Наймушиной не находится в причинной связи с несчастным случаем, происшедшим с рабочей Шамсигалеевой.

Наймушина не могла предусмотреть того, что вследствие неправильной сварки частей крана может произойти авария и что опасность от такой аварии распространится на территорию до десяти метров, т. е. на расстоянии, на котором находилась Шамсигалеева от крана.

Из заключения экспертизы видно, что кран не был оборудован звуковыми сигналами. Излом крана мог произойти внезапно вследствие значительной хрупкости рессорной стали. В функции начальника технического отдела не входит проверка знания рабочих правил личной безопасности.

Кроме этого, экспертиза отмечает, что Шамсигалеева работала в бригаде Аюповой внутри строящегося дома. Шамсигалеева была предупреждена Аюповой о том, что выходить из дома опасно, однако она вышла из дома, причем надобности в оставлении места работы производственной необходимостью не вызывалось.

Шамсигалеева была на строительной площадке, однако в таком месте, где в обычных условиях работа крана не представляла для окружающих опасности.

В протесте не приводится указаний, по каким основаниям показания свидетельницы Аюповой признаются не заслуживающими доверия. Это тем более неправильно, что показания этой свидетельницы находят подтверждение в аналогичных показаниях свидетелей Наймушиной и Сметаниной.

Утверждение в протесте о том, что свидетель Иванкин изобличал Зализняка и Уфимцева в нарушении правил безопасности работ, не соответствует содержанию его показаний.

Иванкин показал, что по его вине не были разработаны мероприятия по технике безопасности и что за это нарушение он был наказан в дисциплинарном порядке.

Из показаний Иванкина далее видно, что недостаточная квалификация крановщика Наймушиной не являлась причиной аварии крана.

Считая, что суд вынес Зализняку и Уфимцеву оправдательный приговор правильно, Водно-транспортная коллегия определила:

Приговор линейного суда оставить в силе, а кассационный протест прокурора — без удовлетворения.

**10. РАССМАТРИВАЯ ДЕЛА О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ
УКАЗОМ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ОТ 9 ИЮНЯ 1947 г.
«ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА РАЗГЛАШЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЫ
И ЗА УТРАТУ ДОКУМЕНТОВ, СОДЕРЖАЩИХ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ТАЙНУ»,
СУДЫ ОБЯЗАНЫ УСТАНОВИТЬ В КОМПЕТЕНТНЫХ ОРГАНАХ, СОДЕРЖАТ
ЛИ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ТАЙНУ СВЕДЕНИЯ И ДОКУМЕНТЫ, РАЗГЛАШЕНИЕ
ИЛИ УТРАТА КОТОРЫХ ВМНЯЕТСЯ В ВИНУ ПОДСУДИМОМУ**

*Дело Гавчука. Определение Водно-транспортной коллегии
от 17 мая 1952 г.*

[Извлечение]

По приговору линейного суда Ленского бассейна Гавчук был осужден по ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1947 г. «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну»¹.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР и материалы дела, Водно-транспортная коллегия установила:

Гавчук был признан виновным в том, что он, будучи начальником коммерческой части Осетровской пристани Ленского речного пароходства, оставил в автомашине документы, содержащие сведения о работе пароходства и перевозочных средствах, в результате чего эти документы оказались утраченными.

Осуждая Гавчука за утрату документов, содержащих государственную тайну, линейный суд не выяснил в надлежащих компетентных органах, составляют ли документы, оставленные Гавчуком в автомашине,

государственную тайну, предусмотренную перечнем сведений, изложенных в постановлении Совета Министров СССР от 8 июня 1947 г.².

По сообщению Министерства речного флота СССР, сведения, оставленные Гавчуком в автомашине, являются документами служебного пользования. Секретными сведениями, составляющими государственную тайну, они не являются.

На основании изложенного Водно-транспортная коллегия Верховного суда СССР определила:

Приговор линейного суда в части обвинения Гавчука по ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1947 г. «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну» отменить.

Одновременно Водно-транспортная коллегия вынесла частное определение, в котором указала линейному суду на неправильное применение закона.

**11. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВЫШЕСТОЯЩЕГО СУДА ОТМЕНЕНО
КАК ОСНОВАННОЕ НА НЕПРАВИЛЬНОМ ТОЛКОВАНИИ
СТ. 44 УПК РСФСР**

*Дело Гонтарева и других. Определение Судебной
коллегии по уголовным делам от 26 апреля 1952 г.*

Приговором народного суда 4-го участка Московского района г. Ленинграда осуждены по ст. 109 УК РСФСР Гонтарев и Лашков и

по ст. ст. 17 и 109 УК РСФСР Поздеев, Петров и Карпухин.

Тем же приговором по ст. 17 УК РСФСР и ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня

¹ «Ведомости Верховного Совета СССР» 1947 г. № 20.

² «Известия» 10 июня 1947 г.

1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» оправданы Иванюхин, Плотников и Тер-Захарьян.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Ленинградского городского суда приговор народного суда в отношении всех указанных выше лиц оставлен в силе, а кассационный протест прокурора Московского района, в котором ставился вопрос об отмене приговора, отклонен.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР по протесту Прокурора РСФСР в порядке надзора приговор народного суда и кассационное определение Судебной коллегии Ленинградского городского суда в отношении осужденных Гонтарева, Лашкова, Поздеева, Петрова и Карпухина и оправданных Иванюхина, Плотникова и Тер-Захарьяна отменены с направлением о них дела на новое рассмотрение в Ленинградский городской суд по первой инстанции.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, в котором ставился вопрос об отмене определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

Гонтарев признан виновным в том, что он, возглавляя в 1946—1947 гг. бригаду по устройству диспетчерской связи на Ленжиркомбинате и в 1947—1948 гг. по устройству диспетчерской сигнализации на Ленхимпищекомбинате, а Лашков, работая в той же бригаде производителем работ, не будучи обеспечены в достаточной мере необходимыми фондовыми материалами, стали на путь нарушения финансовой дисциплины: для получения наличных денег на строительные и хозяйственные нужды включали в ведомость на выплату заработной платы подставных лиц, сами не преследуя при этом корыстной цели.

Поздеев, Петров и Карпухин при-

знаны виновными в том, что они оказывали содействие Гонтареву и Лашкову в совершаемых ими должностных злоупотреблениях путем получения выписанных на их имя в ведомостях на зарплату денежных сумм, которые передавали Гонтареву и Лашкову. Поздеев получил таким образом и передал Лашкову 3600 руб., Карпухин и Петров получили и передали Гонтареву: первый — 18 300 руб., второй — 3243 руб.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР отменила приговор народного суда и определение Судебной коллегии Ленинградского городского суда, исходя из того, что настоящее дело в народном суде рассмотрено с нарушением требований ст. 44 УПК РСФСР, т. е. при незаконном составе суда.

Протест подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Из материалов дела видно, что настоящее дело впервые рассматривалось народным судом 4-го участка Московского района г. Ленинграда. В процессе рассмотрения дела суд нашел необходимым уточнить заключение технической экспертизы и приобщить к делу документы, об истребовании которых из Ленжиркомбината и Ленхимпищекомбината ходатайствовали Гонтарев и Лашков, и в связи с этим дело обратил к доследованию.

Судебная коллегия по уголовным делам Ленинградского городского суда удовлетворила частный протест Прокурора и определение народного суда о направлении дела на доследование отменила, правильно указав, что уточнение технической экспертизы и истребование некоторых документов может быть произведено в процессе судебного рассмотрения дела и потому нет необходимости обращать дело к доследованию.

В связи с этим Ленинградский городской суд вернул настоящее дело в тот же народный суд, где оно и было рассмотрено по существу.

В этом Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР усмотрела нарушение ст. 44 УПК РСФСР.

По мнению Судебной коллегии, народный суд 4-го участка Московского района не мог вторично рассматривать настоящее дело ввиду того, что ранее состоявшееся по этому делу определение того же народного суда (в обоих случаях дело рассматривалось под председательством народного судьи т. Суворовой) было отменено вышестоящей судебной инстанцией.

Из этого Судебная коллегия Верховного суда РСФСР сделала вывод, что при вторичном разбирательстве дело рассматривалось при незаконном составе суда.

Однако такой вывод не соответствует закону.

Согласно ст. 44 УПК РСФСР судья, участвовавший в постановлении приговора по делу, не может участвовать в новом рассмотрении того же дела после отмены первого приговора. Этим закон обеспечивает объективное отношение к рассмотрению дела по существу.

При первоначальном рассмотрении настоящего дела народный суд

4-го участка Московского района приговора не постановлял, а вынес определение, в котором не касался вопроса о доказанности обвинения лиц, привлеченных к уголовной ответственности, и ставил только вопрос о необходимости истребования некоторых дополнительных материалов, которые впоследствии и были им получены.

Таким образом, настоящее дело при первом рассмотрении в народном суде не было разрешено по существу.

Поэтому Ленинградский городской суд, отменяя определение народного суда 4-го участка Московского района, вправе был вернуть это дело для рассмотрения по существу в тот же народный суд, который, рассмотрев указанное дело под председательством судьи Суворовой, требований ст. 44 УПК РСФСР не нарушил.

Исходя из изложенного, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР по делу Гонгарева, Лашкова, Поздеева, Петрова, Карпухина, Иванюхина, Плотникова и Тер-Захарьяна отменить.

12. ПРИЗНАВ ХОДАТАЙСТВО ПОДСУДИМОГО ОБОСНОВАННЫМ, СУД НЕ МОЖЕТ ОТКЛОНИТЬ ЕГО ПО МОТИВАМ ОТСУТСТВИЯ ВРЕМЕНИ ДЛЯ ЕГО ИСПОЛНЕНИЯ

Дело Илуридзе и Макашвили. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 19 апреля 1952 г.

По приговору народного суда 1-го участка района имени 26 Комиссаров г. Тбилиси Илуридзе и Макашвили осуждены по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Грузинской ССР приговор оставлен в силе.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, в котором ставится вопрос об отмене приговора и определения в отношении Илуридзе и Макашвили и направлении дела на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства, Судебная коллегия по уголовным делам установила:

Илуридзе и Макашвили признаны виновными в том, что, работая в магазине № 166 Тбилищеторга, Илуридзе — заведующим магазином, а

Макашвили—продавцом, присвоили 25 087 руб. Кроме того, Илуридзе лично присвоил 16 070 руб.

Приговор и определение подлежат отмене по следующим основаниям:

Илуридзе не признал себя виновным в присвоении денег как на предварительном следствии, так и на суде. Илуридзе на суде возбудил ходатайство о включении в состав экспертизы одного из указанных им экспертов. Суд это ходатайство Илуридзе удовлетворил, однако, после того как эксперт, приглашенный по настоянию Илуридзе, заявил, что для проверки первичных документов понадобится неделя, суд вынес определение о том, что указанного Илуридзе эксперта освободить, мотивируя это отсутствием возможности проводить экспертизу в течение недели. Подобная мотивировка суда явно незаконна, так как суд не может ущемлять право подсудимого и отказывать в удовлетворении обоснованного ходатайства только потому, что выполнение его требует затраты определенного времени.

Как видно из приговора, суд взыскал с Илуридзе 28 613 руб. и с Макашвили — 12 543 руб., а всего

41 156 руб., однако из справки, выданной дирекцией Тбилторга, видно, что недостача составляет 28 589 р. 39 к.

Если суд, не оговорив этого в приговоре, принял во внимание, что 11 713 руб. внесены Илуридзе в погашение недостачи, то и в данном случае имеется расхождение между суммой числящейся недостачи и присвоенной суммой, в расхищении которой осужденные признаны виновными. При новом рассмотрении суд должен уточнить суммы недостачи и присвоения.

Из приговора суда нельзя установить, в каком месяце было рассмотрено дело, так как во вводной части приговора месяц не указан.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда 1-го участка района имени 26 Комиссаров г. Тбилиси и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Грузинской ССР в отношении Илуридзе и Макашвили отменить и дело направить в тот же народный суд на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства в ином составе судей.

13. В КАССАЦИОННОМ ОПРЕДЕЛЕНИИ В СЛУЧАЕ ОТКЛОНЕНИЯ ЖАЛОБЫ ИЛИ ПРОТЕСТА ДОЛЖНЫ БЫТЬ ПРИВЕДЕНЫ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА, ОПОВЕРГАЮЩИЕ ДОВОДЫ КАССАТОРА

Дело Мамедова. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 19 апреля 1952 г.

По приговору народного суда Бардинского района Азербайджанской ССР Мамедов осужден по ст. 176 УК Азербайджанской ССР.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Азербайджанской ССР приговор оставлен в силе.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, в котором ставится вопрос об отмене приговора и определения и прекраще-

нии дела дальнейшим производством за недоказанностью предъявленного Мамедову обвинения, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

Приговором суда Мамедов признан виновным в том, что, работая трактористом Агжабединской МТС, 5 мая при перегонке трактора по шоссе из г. Евлаха по направлению в с. Барды не остановил трактор, когда гр-н Алферов хотел

сесть на трактор, в результате чего гр-н Алферов попал под гусеницы трактора и был задавлен насмерть.

Протест подлежит удовлетворению, а приговор и определение отмене с прекращением дела производством по следующим основаниям:

5 мая вечером грузовая автомашина Бардинского хлопкозавода, шедшая из г. Евлаха в с. Барды, в пути следования вынуждена была остановиться из-за отсутствия бензина. Группа рабочих, ехавшая на этой автомашине, среди которых был и Алферов, решила пойти вперед с расчетом сесть на попутную автомашину.

Ночь была темная, и шел сильный дождь. Рабочие заметили, что со стороны г. Евлаха шли два трактора, они подняли руки, чтобы остановить трактор, но тракторы не остановились. Тогда как показал свидетель Алиев, Алферов пошел по направлению к тракторам, сказав, что он сядет на один из них. Через несколько минут услышали крик Алферова, а когда Алиев и Намазов пошли на крик Алферова, то обнаружили Алферова лежащим на дороге мертвым и с раздавленной головой. Ни один из допрошенных свидетелей не видел, как Алферов попал под трактор, а потому никто и не мог дать показаний о конкретных обстоятельствах повлекших за собой смерть Алферова. Никто из свидетелей также не мог сказать, под какой трактор из двух шедших по шоссе попал Алферов.

Свидетель Алиев на вопрос суда показал, что Алферов хотел сесть «на тот трактор, который шел позади, переднего трактора он не мог догнать». Одновременно он пояснил, что, «каким образом он упал, мы не могли заметить, так как была темная ночь».

Подсудимый Мамедов, отрицая предъявленное ему обвинение, объяснил, что 5 мая он действительно

перегонял один из двух тракторов из г. Евлаха в с. Барды, но о несчастном случае с Алферовым ничего не знает. Алферова или каких-либо других граждан, просивших остановить трактор, не видел, крика Алферова не слышал и не мог слышать из-за шума управляемого им трактора, двигавшегося по шоссе.

Показания Мамедова были подтверждены показаниями свидетелей Керимова и Алиева, ехавших на другом тракторе.

Однако суд, вопреки всем материалам дела, в своем приговоре нашел установленным, что «Алферов, подбежав к трактору, хотел сесть на него, его одежда зацепилась, вследствие чего он упал. Алферов в момент падения успел крикнуть, крик был услышан трактористом Мамедовым, который, однако, не остановил трактора, а повел его еще быстрее и уехал».

Подобное утверждение основано лишь на предположении, и суд в своем приговоре в нарушение ст. ст. 316 и 331 УПК Азербайджанской ССР и постановления Пленума Верховного суда СССР от 28 июля 1950 г. «О судебном приговоре» не сослался на доказательства, подтверждающие этот вывод.

Таким образом, обвинительный приговор судом был вынесен при отсутствии в деле доказательств виновности Мамедова в неосторожном убийстве гр-на Алферова.

Верховный суд Азербайджанской ССР, рассматривая дело по кассационной жалобе осужденного, в своем определении лишь повторил содержание приговора народного суда, обстоятельные доводы кассационной жалобы Мамедова не обсудил, ограничившись общей трафаретной ссылкой на то, что «все это доказано материалами дела и показаниями свидетелей», не указав конкретно, какими материалами дела и какими свидетелями.

На основании изложенного, соглашаясь с протестом, Судебная колле-

гия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда Бардинского района и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Азербайджанской

ССР в отношении Мамедова отменить и дело дальнейшим производством прекратить за недоказанностью предъявленного ему обвинения.

14. ВЫШЕСТОЯЩИЙ СУД НЕПРАВИЛЬНО УСМОТРЕЛ НАРУШЕНИЕ ПРАВА ОБВИНЯЕМОГО НА ЗАЩИТУ И БЕЗ ДОСТАТОЧНЫХ ОСНОВАНИЙ ОТМЕНИЛ ПРИГОВОР

Дело Силонова и Ежовой. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 22 марта 1952 г.

Народным судом Рудного района Свердловской области Силонов и Ежова осуждены по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Судебная коллегия по уголовным делам Свердловского областного суда исключила из приговора как в отношении Силонова, так и Ежовой поражение в правах, а в остальном приговор оставила в силе.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР по протесту Председателя Верховного суда РСФСР приговор народного суда и определение областного суда отменила и дело в отношении Силонова и Ежовой направила на новое рассмотрение в Свердловский областной суд по первой инстанции со стадии судебного разбирательства.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, которым ставится вопрос об отмене определения Верховного суда РСФСР, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

Силонов, работавший кладовщиком чайной треста столовых г. Нижнего Тагила, а Ежова — старшим бухгалтером этой же чайной, признаны виновными в том, что, вступив в преступную связь между собой, они систематически занимались расхищением денег и материальных

ценностей, принадлежащих чайной. Так, Силонов присвоил товаров из кладовой за счет 10% буфетной наценки на 14 654 руб. и допустил недостачу товаров на 19 496 руб.

Ежова за этот же период присвоила из выручки 5252 руб. и произвела незаконное списание продуктов на 3218 руб.

Приговор народного суда и определение областного суда Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР отменила по тем основаниям, что суд лишил Силонова права на защиту, а в отношении Ежовой нарушил ст. 334 УПК РСФСР.

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР является неправильным и подлежит отмене по следующим основаниям:

Утверждение Судебной коллегии о том, что судом нарушено право Силонова на защиту, не обосновано, поскольку из материалов дела видно, что со стороны суда были приняты все необходимые меры к обеспечению Силонова защитой.

Так, 13 июня суд отложил дело слушанием по той причине, что Силонов просил вызвать для его защиты адвоката Пономаренко.

11 июня народный суд сообщил Силонову, что в силу длительной болезни адвокат Пономаренко выступить по его делу в суде не может, и просил последнего выбрать для защиты другого адвоката.

В заявлении от 18 июля Силонов уведомил суд, что он не желает, чтобы его защищал какой-либо другой адвокат, кроме Пономаренко.

4 августа, когда дело судом вновь было назначено слушанием, Силонов подал заявление в суд с просьбой поручить его защиту адвокатам Пономаренко или Петрикову. Когда было установлено, что ни адвокат Петриков, ни адвокат Пономаренко выступить в судебном заседании по делу Силонова не могут, один — по состоянию здоровья, другой — в связи с выездом, суд допустил к защите Силонова адвоката Муганову, выделенную юридической консультацией. После этого Силонов заявил, что он не желает, чтобы его защищала адвокат Муганова, и если суд не обеспечит его защиту адвокатом Петриковым, то он отказывается от защиты.

При наличии такого положения суд правильно определил предоставить обвиняемому Силонову право осуществлять защиту самому.

Также неубедительным является утверждение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР о том, что приговор в отношении Ежовой составлен с нарушением ст. 334 УПК РСФСР.

Несмотря на некоторые редакционные неточности в приговоре четко указано, что Ежова осуждена за то, что она, находясь в преступной связи с осужденным по делу Силоновым, за время своей работы присвоила 5252 руб., а также незаконно списала с подотчетных лиц 3218 руб. При этом, как видно из протокола судебного заседания, Ежова не отрицала присвоения денежных средств и незаконного их списания.

Ежова признала себя виновной и ни в кассационном, ни в надзорном порядке приговор не обжаловала.

Что же касается Силонова, то приговор в отношении его судом вынесен правильно, и Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР по существу его никаких замечаний не сделала.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР, соглашаясь с протестом, определила:

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР в отношении Силонова и Ежовой отменить, оставив о них без изменения приговор народного суда Рудного района и определение Судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ

СУДЕБНОЙ КОЛЛЕГИИ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

1. ТРЕБОВАНИЯ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ДОЛЖНОСТНЫХ ОКЛАДОВ НЕПОДВЕДОМСТВЕННЫ СУДУ

Определение по делу № 03/376.

*Иск Ауелбаева и Абдуллина к Жилокосинскому районному
финансовому отделу о взыскании заработной платы*

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 7 мая 1952 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение народного суда Жилокосинского района от 24 марта 1951 г. и определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Казахской ССР от 20 ноября 1951 г. по иску Ауелбаева А. и Абдуллина К. к Жилокосинскому районному финансовому отделу о взыскании заработной платы.

Судебная коллегия по гражданским делам установила:

Ауелбаев и Абдуллин обратились в суд с иском заявлением, в котором указали, что они в декабре 1950 года были избраны депутатами, а затем председателями исполкомов Кулсаринского и Каратонского поселковых Советов депутатов трудящихся, что по ранее занимаемой должности они получали заработную плату в большей сумме, чем они получают по должности председателя исполкома поселкового Совета, а потому и просят суд восстановить им прежний оклад и взыскать разницу в заработной плате.

Народный суд Жилокосинского района решением от 24 марта 1951 г. иск удовлетворил.

Решение суда мотивировано тем, что за истцами должна быть сохранена заработная плата, получаемая до перехода их на выборную должность.

Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Казахской ССР от 20 ноября 1951 г. указанное решение народного суда отменено и дело передано на новое рассмотрение.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене определения Судебной коллегии Верховного суда Казахской ССР подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Казахской ССР в определении указала, что народный суд в решении правильно сослался на ст. 77¹ КЗоТ, однако в силу этой статьи суд не должен был удовлетворять иски требования истцов, так как ст. 77¹ КЗоТ предусмотрено, что рабочим и служащим, освобожденным от работы в связи с переходом их на выборные должности, гарантируется в течение всего времени работы по выборам должность (служба) по прежнему месту работы, а не сохранение прежнего оклада.

Но, правильно отметив это нарушение, Судебная коллегия Верхов-

ного суда Казахской ССР неосновательно направила дело на новое рассмотрение.

На основании постановления СНК СССР от 7 декабря 1929 г. «О государственном нормировании заработной платы служащих в государственных учреждениях»¹ и других указаний, изданных в развитие названного постановления, заработная плата служащих учреждений определяется в порядке государственного нормирования.

Поскольку исковое заявление Ауелбаева и Абдуллина сводилось к требованию об установлении им

должностного оклада, Верховному суду Казахской ССР следовало иметь в виду, что разрешение таких вопросов не относится к компетенции судебных органов.

В силу изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определяет:

Решение народного суда Жилоко-синского района Гурьевской области от 24 марта 1951 г. и определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Казахской ССР от 20 ноября 1951 г. отменить и дело в судебном порядке дальнейшим производством прекратить.

2. ПОРЯДОК ОТВЕТСТВЕННОСТИ РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ИМИ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ, РЕГУЛИРУЕТСЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ О ТРУДЕ

*Определение по делу № 03/326.
Иск Транспортно-экспедиционной конторы к Фирзатову
о взыскании 2514 руб.*

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 16 апреля 1952 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение народного суда 3-го участка Молотовского района г. Тбилиси от 23 октября 1951 г. и определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Грузинской ССР от 17 ноября 1951 г. по иску Транспортно-экспедиционной конторы «Сакпуртреста» к Фирзатову о взыскании 2514 руб.

Судебная коллегия по гражданским делам установила:

Транспортно-экспедиционная контора «Сакпуртреста» обратилась в суд с иском к Фирзатову о взыскании 2514 руб.

В заявлении контора сослалась на то, что в 1950 году ответчику было поручено вместе со специалистом-экспертом принять лесоматериал, прибывший на станцию железной дороги в адрес конторы. Ответчик выполнил поручение, но коммерческого акта о недостатке груза не составил, в результате чего конторе

было отказано в иске к управлению железной дороги о взыскании стоимости недостающего груза в сумме 2514 руб.

Народный суд 3-го участка Молотовского района решением от 23 октября 1951 г. удовлетворил иск конторы «Сакпуртреста», взыскав с Фирзатова 2514 руб.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Грузинской ССР определением от 17 ноября 1951 г. решение народного суда оставила в силе.

Протест Председателя Верховного суда СССР подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Удовлетворяя иск конторы «Сакпуртреста», суд мотивировал решение тем, что по вине ответчика не был составлен коммерческий акт о недостатке груза и контора была лишена возможности взыскать стоимость этого груза с перевозчика.

Между тем порядок ответственности рабочих и служащих за вред, причиненный ими нанимателю при исполнении служебных обязанностей, регулируется специальным законом о труде. Общесоюзным законом о материальной ответственности

¹ СЗ СССР 1929 г. № 76, ст. 737.

рабочих и служащих за ущерб, причиненный ими нанимателям, является постановление ЦИК и СНК СССР от 12 июня 1929 г. «Об имущественной ответственности рабочих и служащих за ущерб, причиненный ими нанимателям»¹.

В этом постановлении указывается, в каких случаях работник должен нести ограниченную и в каких случаях полную материальную ответственность за причиненный ущерб.

Из материалов дела видно, что ответчик работал в Транспортно-экспедиционной конторе «Сакпуртреста» в качестве товароведа по автозапасным частям и экспедитором не являлся. Принимая лесоматериал от железной дороги вместе со специалистом-экспертом, он выполнял разовое поручение.

При этих обстоятельствах дела, если суд и установил вину ответчика в том, что коммерческий акт не был составлен, он мог в соответствии со ст. 1 указанного выше постановления возложить на ответчика материальную ответственность по возмещению ущерба в пределах $\frac{1}{3}$ его тарифной ставки (оклада).

Возлагать же полную материальную ответственность на ответчика, предусмотренную ст. 2 постановления ЦИК и СНК СССР от 12 июня 1929 г., у суда не было оснований, поскольку действия ответчика не содержали признаков деяний, преследуемых в уголовном порядке, и нет данных, свидетельствующих о том, что на него возложена полная иму-

щественная ответственность специальным законом или договором.

Ответчик, отрицая вину в несооставлении коммерческого акта, сослался при этом на то, что лесоматериал принимал по качеству и количеству эксперт, который и составил акт о недостатке груза против счета поставщика на 11,2 куб. м. Акт эксперта передан в бухгалтерию конторы «Сакпуртреста».

Народный суд не выяснил действительных обстоятельств по делу, не проверил объяснений ответчика, дело по иску конторы «Сакпуртреста» к управлению железной дороги о взыскании 2514 руб. не истребовал и не установил действительной причины отказа в иске Транспортно-экспедиционной конторе о взыскании спорной суммы с перевозчика.

Не выяснив действительных взаимоотношений сторон, суд нарушил ст. ст. 6, 126 ГПК Грузинской ССР.

При новом рассмотрении дела суду надлежит выяснить все обстоятельства по делу и разрешить дело, руководствуясь указанным выше постановлением ЦИК и СНК СССР от 12 июня 1929 г.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить решение народного суда 3-го участка Молотовского района г. Тбилиси от 23 октября 1951 г. и определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Грузинской ССР от 17 ноября 1951 г. и дело передать на новое рассмотрение в тот же народный суд.

3. ОПРЕДЕЛЯЯ РАЗМЕР ДОЛИ, ПРИНАДЛЕЖАЩЕЙ КАЖДОМУ СУПРУГУ В ОБЩЕМ ИМУЩЕСТВЕ (ст. 10 КЗоБСО РСФСР), СУД ДОЛЖЕН ПОДКРЕПИТЬ СВОИ СООБРАЖЕНИЯ ССЫЛКОЙ НА ДОКАЗАТЕЛЬСТВА, КОТОРЫЕ ПОДТВЕРЖДАЛИ БЫ ПРАВИЛЬНОСТЬ СДЕЛАННЫХ ИМ ВЫВОДОВ

Определение по делу № 03/312.

Иск Дроновой к Дронову о признании права собственности на часть дома

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 16 апреля

1952 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение Судебной коллегии по гражданским делам Московского областного суда от 27 октября 1951 г. и на определе-

¹ СЗ СССР 1929 г. № 42, ст. 367.

ния Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР от 1 октября 1951 г. и от 28 ноября 1951 г. по иску Дроновой к Дронову о признании права собственности на часть дома.

Судебная коллегия по гражданским делам установила:

В августе 1950 года Дронова предъявила в суде иск к своему бывшему мужу Дронову о разделе $\frac{5}{8}$ домовладения, находящегося в поселке Загорянская Московской области.

В обоснование своих исковых требований истица ссылаясь на то, что она с ответчиком с 1938 года состояла в зарегистрированном браке. В период совместной с ним жизни был возведен дом, $\frac{3}{8}$ части которого по договору дарения отчуждены в пользу матери истицы, а в отношении остальных $\frac{5}{8}$ частей дома, являющихся объектом спора, собственником значится ответчик.

Рассмотрев это дело, народный суд 4-го участка Мытищинского района решением от 20 марта 1951 г. в удовлетворении иска Дроновой отказал, но это решение судебная коллегия по гражданским делам Московского областного суда определением от 11 апреля 1951 г. отменила и дело приняла к производству Московского областного суда по первой инстанции.

Решением судебной коллегии по гражданским делам Московского областного суда от 6 сентября 1951 г. за истицей Дроновой признано право собственности на $\frac{5}{16}$ долей спорного дома с выделением ей для пользования трех жилых комнат мансардного помещения и половины террасы, прилегающей к выделенным ей жилым комнатам. В пользовании ответчика Дронова оставлена одна жилая комната и половина террасы.

По жалобе ответчика Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР определе-

нием от 1 октября 1951 г. решение судебной коллегии по гражданским делам Московского областного суда отменила и дело передала на новое рассмотрение с предложением обсудить вопрос о выплате истице за причитающуюся ей долю в доме денежной компенсации.

Последующим решением от 27 октября 1951 г. судебная коллегия по гражданским делам Московского областного суда признала за истицей Дроновой право на $\frac{1}{8}$ часть дома и взыскала с ответчика Дронова в пользу истицы за эту долю денежную компенсацию в сумме 7559 руб.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР 28 ноября 1951 г. решение Московского областного суда оставила в силе.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене решения судебной коллегии по гражданским делам Московского областного суда от 27 октября 1951 г. и определений Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР от 1 октября 1951 г. и от 28 ноября 1951 г. подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Спорная часть дома возведена сторонами при совместной супружеской жизни, ввиду чего является их общим имуществом.

Согласно ст. 10 КЗоБСО РСФСР размер принадлежащей каждому супругу доли в общем имуществе в случае спора определяется судом, однако следует признать, что если суд приходит к убеждению, что супруги имеют право на неравные доли в имуществе то соображения суда должны быть мотивированы ссылкой на такие доказательства, которые подтверждали бы правильность сделанных судом выводов.

В данном же случае решение суда о выделении истице из общего имущества, приобретенного совместно с ответчиком, лишь $\frac{1}{8}$ части не только не содержит убедительных

доводов, но по существу противоречит фактическим обстоятельствам дела.

Определяя долю истицы в доме в размере $\frac{1}{8}$ части, а долю ответчика в размере $\frac{4}{8}$ частей, суд мотивировал решение тем, что дом был построен из лесоматериалов, отпущенных бесплатно ответчику как инвалиду Отечественной войны, с доставкой этого лесоматериала на строительный участок.

Между тем это обстоятельство по настоящему делу не могло иметь решающего значения при определении доли каждой из сторон в общем имуществе, так как строительство дома осуществлялось в то время, когда истица с ответчиком состояла в браке, а потому помощь в отпуске лесоматериалов и в подвозе его на строительный участок оказывалась семье ответчика, а не только одному ответчику.

Кроме того, если суд придал указанному выше обстоятельству существенное значение при определении доли сторон в общем имуществе, то следовало, с другой стороны, учесть степень их личного участия в возведении дома.

Из дела видно, что истица, помимо того, что осуществляла личный уход за ответчиком, являющимся инвалидом первой группы, принимала непосредственное участие в постройке дома, выполняя все связанные со строительством работы, тогда как ответчик лично в строительстве дома не участвовал и не мог участвовать, так как нуждался в постороннем уходе за собой.

При таком положении решение судебной коллегии Московского областного суда от 6 сентября 1951 г., которым за истицей и ответчиком признано равное право на дом, по существу являлось правильным, и у Верховного суда РСФСР не было оснований отменять это решение в отношении определения долей супругов в общем имуществе.

Что же касается реального раздела дома для пользования, то указанное решение судебной коллегии Московского областного суда в этой части не может быть оставлено в силе, так как, выделяя истице три жилые комнаты мансардного помещения, суд, с одной стороны, существенно ущемил интересы ответчика и, с другой стороны, создал такое положение, при котором исключается возможность нормального пользования совладельцами домом. К тому же произведенный судом раздел дома вызывает необходимость его перепланировки, которая является хозяйственно нецелесообразной.

Неправильность такого раздела дома для пользования по существу признавалась и самой истицей, которая ставила перед судом вопрос о закреплении за ней лишь мансардного помещения, с оставлением за ответчиком другой части дома.

По изложенным соображениям, соглашаясь с протестом, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР от 1 октября 1951 г., решение судебной коллегии по гражданским делам Московского областного суда от 27 октября 1951 г. и определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР от 28 ноября 1951 г. отменить, а решение судебной коллегии Московского областного суда от 6 сентября 1951 г. о признании за Дроновой $\frac{5}{16}$ долей домовладения № 20 по Пушкинской улице поселка Загорянская Щелковского района Московской области оставить в силе.

В отношении же определения порядка пользования домом между истицей и ответчиком решение судебной коллегии Московского областного суда от 6 сентября 1951 г. отменить и дело в этой части передать на новое рассмотрение в тот же областной суд.

4. БРАК МОЖЕТ БЫТЬ РАСТОРГНУТ, ЕСЛИ СУД ПРИДЕТ К УБЕЖДЕНИЮ, ЧТО ЗАЯВЛЕНИЕ О РАСТОРЖЕНИИ БРАКА ВЫЗВАНО ГЛУБОКО ПРОДУМАННЫМИ И ОБОСНОВАННЫМИ МОТИВАМИ И ЧТО ДАЛЬНЕЙШЕЕ СОХРАНЕНИЕ БРАКА НЕ МОЖЕТ СОЗДАТЬ НОРМАЛЬНЫХ УСЛОВИЙ ДЛЯ СОВМЕСТНОЙ ЖИЗНИ СУПРУГОВ

*Определение по делу № 031262.
Иск Столярова к Столяровой о расторжении брака*

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 29 марта 1952 г. протест Генерального Прокурора СССР на решение судебной коллегии по гражданским делам Куйбышевского областного суда от 16 апреля 1951 г. и определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР от 3 мая 1952 г. по иску Столярова к Столяровой о расторжении брака.

Судебная коллегия по гражданским делам установила:

Решением судебной коллегии Куйбышевского областного суда от 16 апреля 1951 г. Столярову отказано в иске о расторжении брака с Столяровой.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР определением от 3 мая 1951 г. решение областного суда оставила в силе.

Протест Генерального Прокурора СССР об отмене указанных решений подлежит удовлетворению.

Как видно из материалов дела, Столяров указал в исковом заявлении следующее:

В брак с ответчицей он вступил в 1924 году. От этого брака у них было трое детей, двое из которых погибли на фронте Отечественной войны и в семье осталась одна совершеннолетняя дочь.

Свою жену Столяров считал погибшей в 1941 году — Столярова находилась в поезде, обстрелянном в пути следования к месту эвакуации, о чем у Столярова имелись сведения от лиц, сопровождавших этот поезд.

В 1942 году Столяров вступил в зарегистрированный брак с другой женщиной, с которой проживает с 1942 года и имеет двоих несовершеннолетних детей.

Указав, что при сложившихся обстоятельствах он не может возобновить супружеских отношений с ответчицей, истец просил брак с ней расторгнуть и дать ему возможность воспитывать несовершеннолетних детей.

Ответчица Столярова, не оспаривая заявления истца, указала, что она со своей дочерью до 1945 года была лишена возможности сообщить мужу о месте своего пребывания, что только после окончания войны она узнала о том, что истец вступил во второй брак.

Не оспаривала она утверждения истца и о том, что супружеские отношения у них не возобновились и они проживают раздельно в разных городах.

В начале своего объяснения в судебном заседании областного суда Столярова не возражала против иска о расторжении брака при условии, что истец будет оказывать ей материальную помощь, затем она изменила свое заявление и просила суд отказать Столярову в иске о расторжении брака.

Как видно из решения областного суда и определения Верховного суда РСФСР, отказ в иске мотивирован тем, что супруги Столяровы в течение длительного времени жили хорошо, что у них было трое детей и что случайная близкая связь с другой женщиной не может служить основанием для удовлетворения иска о расторжении брака.

Следует признать, что такие выводы суда по данному конкретному делу не могут быть признаны правильными.

Из материалов дела видно, что Столяровы действительно с 1924 года состояли в зарегистрированном

браке, имели троих детей и жили хорошо.

Однако материалы дела свидетельствуют о том, что с 1942 года истец вступил в брачные отношения с другой женщиной, с которой брак у него также зарегистрирован, и что произошло это потому, что он, добросовестно заблуждаясь, считал свою жену погибшей в связи с обстоятельствами военного времени.

Наличие таких обстоятельств обязывало суд более глубоко разобраться в сложившихся взаимоотношениях сторон. Суд этого не сделал, а Верховный суд РСФСР в своем определении неосновательно указал, что отношения истца к другой женщине следует рассматривать как случайную связь.

В постановлении Пленума Верховного суда СССР от 16 сентября 1949 г. «О судебной практике по делам о расторжении брака» указано, что при рассмотрении дел о расторжении брака они должны исходить из основной задачи Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. — укрепления советской семьи и брака, что временный

разлад в семье и конфликты между супругами, вызванные случайными и преходящими причинами, не могут считаться достаточным основанием к расторжению брака.

Однако в тех случаях, когда, исходя из конкретных обстоятельств дела, суд придет к убеждению, что возбуждение дела о расторжении брака вызвано глубоко продуманными и обоснованными мотивами и что дальнейшее сохранение брака не может создать нормальных условий для совместной жизни, суд может расторгнуть брак.

В соответствии с изложенными указаниями суду необходимо было разрешить заявленный иск.

На основании указанного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определяет: Решение Судебной коллегии по гражданским делам Куйбышевского областного суда от 16 апреля 1951 г. и определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР от 3 мая 1951 г. отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же суд в другом составе с участием прокурора.

**5. ПОРЯДОК ЗАВЕЩАНИЯ ПАЕВЫХ ВЗНОСОВ, ВНЕСЕННЫХ
В КООПЕРАТИВНУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ, УСТАНОВЛЕННЫЙ ПРИМЕЧАНИЕМ
К СТ. 425 ГК РСФСР, ЯВЛЯЕТСЯ ИСКЛЮЧЕНИЕМ ИЗ ОБЩЕГО ПРАВИЛА
УДОСТОВЕРЕНИЯ ЗАВЕЩАНИЙ, И РАСПРОСТРАНЯТЬ ЕГО НА КАКИЕ-ЛИБО
ДРУГИЕ ДОКУМЕНТЫ НЕЛЬЗЯ**

Определение по делу № 031/375.

Иск Бернштейна к Юровским о праве наследования

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 29 апреля 1952 г. протест Генерального Прокурора СССР на решение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 28—30 августа 1950 г. и определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР от 27 сентября 1950 г. по иску Бернштейна к Юровской О., Юровской А. и Жилищно-строительному кооперативу «Мастера эстрады» о признании его наследником паенакопления Юровской Е. Н.

Судебная коллегия по гражданским делам установила:

Гр-н Бернштейн в июне 1950 года предъявил в суде иск о признании его наследником паенакопления в ЖСК «Мастера эстрады», принадлежавшего его жене Юровской Е. Н., умершей в 1949 году.

Судебная коллегия Московского городского суда решением от 28—30 августа 1950 г. постановила: признать право наследования на паенакопление в ЖСК «Мастера эстрады», оставшееся после смерти Юровской Е. Н., за ее мужем Бернштейном.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР определением от 27 сентября 1950 г. решение Московского городского суда оставила в силе.

Протест подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Как видно из искового заявления Бернштейна и его объяснений в суде, он обратился в суд с иском о признании его единственным наследником на паенакопление Юровской Е. Н. в связи с тем, что Юровская Е. Н. при жизни завещала ему свое паенакопление в ЖСК «Мастера эстрады».

При разрешении настоящего дела по существу суду следовало выяснить основной вопрос: было ли завещано паенакопление Бернштейну.

Выяснение этого вопроса имеет существенное значение для правильного решения дела. В соответствии с примечанием к ст. 425 ГК РСФСР паевые взносы, внесенные в первичную кооперативную организацию, могут быть завещаны путем совершения в членской книжке соответствующей надписи о назначении наследников без нотариального удостоверения таковой.

В данном случае какой-либо записи в членской книжке Юровской Е. Н. о завещании паенакопления гр-ну Бернштейну не имеется, и он ссылается на анкету, которую заполнила Юровская Е. Н. 20 мая 1945 г.

Рассматривая указанную анкету как дополнение к членской книжке, суд считал, что Юровская Е. Н., в соответствии с законом, завещала свое имущество гр-ну Бернштейну.

Между тем, поскольку порядок завещания, установленный примечанием к ст. 425 ГК, является исключением из общего, установленного законом правила удостоверения завещаний, то распространять его на какие-либо другие документы, кроме членской книжки, в том числе и на анкету, нельзя тем более, что анкета каким-либо официальным дополнением к членской книжке не является.

В деле имеется письмо жилищного управления Мосгорисполкома о том, что анкеты, выпущенные ЖСК «Мастера эстрады» без предварительного разрешения горжилуправления дополнением к паевой кооперативной книжке не являются.

Нельзя не учесть и того, что само завещательное распоряжение Юровской Е. Н. оформлено настолько неправильно, что сделанная ею запись в анкете не может повлечь каких-либо юридических последствий.

В анкете указано, что наследником Юровской Е. Н. на паенакопление является ее муж, причем не указаны ни фамилия, ни имя и отчество мужа. Эта анкета была заполнена 20 мая 1945 г., в то время, когда Юровская была одинока и ни с кем в зарегистрированном браке не состояла.

С Бернштейном Юровская Е. Н. зарегистрировала брак лишь 8 марта 1949 г., за шесть месяцев до своей смерти. При таких условиях нет оснований считать, что завещательное распоряжение Юровской было сделано в пользу Бернштейна.

После регистрации брака с Бернштейном Юровская Е. Н. никаких завещательных распоряжений в его пользу не делала.

При таких обстоятельствах следует признать, что в соответствии со ст. 418 ГК РСФСР на паенакопление Юровской Е. Н. имеют равное право Бернштейн, как переживший супруг, и дочери Юровской Е. Н.—Юровская А. И. и Юровская О. И.

По изложенным основаниям Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить решение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 28—30 августа 1950 г. и определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР от 27 сентября 1950 г. и дело передать на новое рассмотрение в Верховный суд РСФСР по первой инстанции с участием прокурора.

6. ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПОВРЕЖДЕНИЕМ ЗДОРОВЬЯ (УВЕЧЬЕ), ПРОИЗВОДИТСЯ В ВИДЕ ПРИСУЖДЕНИЯ УБЫТКОВ, СВЯЗАННЫХ С ПОТЕРЕЙ ПОТЕРПЕВШИМ ЗАРАБОТКА
(постановление Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г.
«О судебной практике по искам из причинения вреда»)

*Определение по делу № 03/347.
Иск Ашмарина к заводу о возмещении вреда,
причиненного увечьем*

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 26 апреля 1952 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение народного суда 2-го участка Куйбышевского района г. Свердловска от 14 февраля 1951 г., на определение Судебной коллегии по гражданским делам Свердловского областного суда от 13 марта 1951 г. и на определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР от 9 января 1952 г. по иску Ашмарина к заводу имени М. И. Калинина о возмещении вреда, причиненного ему в связи с увечьем.

Судебная коллегия по гражданским делам установила:

Ашмарин работал на заводе мастером цеха.

В декабре 1944 года во время работы при установке одной детали произошел обрыв каната (стропа), деталь упала и ударила по ноге мастера Ашмарина, ударом ему переломило левую голень. Ашмарин был признан инвалидом III группы.

После выздоровления Ашмарин продолжал работать на заводе в должности нормировщика с окладом в 1400 руб.

В январе 1951 года Ашмарин обратился в народный суд с иском к заводу о возмещении причиненного ему вреда.

Народный суд 2-го участка Куйбышевского района г. Свердловска решением от 14 февраля 1951 г. взыскал с завода в пользу Ашмарина, начиная с января 1951 года, ежемесячно по 1616 руб. пожизненно и предоставил заводу право зачета фактического заработка Ашмарина.

Судебная коллегия по гражданским делам Свердловского област-

ного суда определением от 13 марта 1951 г. решение народного суда изменила, исключила из решения указание о праве завода произвести зачет заработка Ашмарина и определила размер взыскания в пользу Ашмарина в сумме 1472 руб. ежемесячно.

Председателем Верховного суда СССР был внесен протест в Судебную коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР на предмет отмены решения народного суда и определения судебной коллегии Свердловского областного суда по тем основаниям, что народный суд при рассмотрении дела не обсудил вопроса о применении смешанной ответственности, так как из приказа директора завода видно, что Ашмарин допустил небрежность, не осмотрев предварительно канат, и судебная коллегия по гражданским делам Свердловского областного суда неправильно исключила из резолютивной части решения указание о праве зачета заводом заработной платы, получаемой Ашмариным.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР определением от 9 января 1952 г. протест Председателя Верховного суда СССР отклонила.

Председатель Верховного суда СССР внес протест в Судебную коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР. Протест подлежит удовлетворению по следующим мотивам:

Удовлетворяя иски требования Ашмарина, суд исходил из того, что несчастный случай на заводе с Ашмариным произошел исключительно по вине начальника цеха и механика.

Между тем из материалов дела видно, что и Ашмарин, являясь мастером цеха, должен был принять меры к обеспечению безопасности производимых под его руководством работ.

Как видно из приказа директора завода от 12 декабря 1944 г., Ашмарин при транспортировке тяжелой детали не осмотрел канат и таким образом допустил небрежность. Это обстоятельство судом не проверялось и не обсуждался вопрос о возможности применения смешанной ответственности сторон.

Свердловский областной суд, исключая из решения народного суда указание о праве завода произвести зачет заработка Ашмарина, исходил из того, что, поскольку Ашмарин работает на заводе не в той должности, которую он занимал до увечья, зачет производиться не должен.

Эти мотивы, положенные в основу определений судебных коллегий Свердловского областного суда и Верховного суда РСФСР, являются неправильными.

Согласно ст. 410 ГК РСФСР возмещение за вред должно заключаться в восстановлении прежнего состояния, а поскольку такое восстановление невозможно, — в возмещении причиненных убытков.

Постановлением Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г. «О судебной практике по искам из причинения вреда» разъяснено, что убытки потерпевшего, причиненные

повреждением здоровья, составляют заработок, которого он лишился вследствие увечья, и расходы по лечению и протезированию.

Из этого следует, что если потерпевший продолжает работать и имеет постоянный заработок, то ответчик, возмещающий ему убытки за причиненный вред, может ставить вопрос о зачете заработка, получаемого истцом после увечья, в счет присужденных ему сумм независимо от того, где и какую работу он выполняет.

При новом рассмотрении дела суда надлежит обсудить вопрос о возможности применения смешанной ответственности сторон и с учетом изложенного выше вынести решение по существу заявленного иска, руководствуясь при этом ст. ст. 404, 410 ГК РСФСР и постановлением Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г. «О судебной практике по искам из причинения вреда».

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Решение народного суда 2-го участка Куйбышевского района г. Свердловска от 14 февраля 1951 г., определение Судебной коллегии по гражданским делам Свердловского областного суда от 13 марта 1951 г. и определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР от 9 января 1952 г. отменить и дело для нового рассмотрения направить в Свердловский областной суд по первой инстанции.

7. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ РАБОТНИКУ ПОВРЕЖДЕНИЕМ ЗДОРОВЬЯ, ДОЛЖНА НЕСТИ ОРГАНИЗАЦИЯ, НА РАБОТЕ У КОТОРОЙ ПОТЕРПЕВШИЙ ПОЛУЧИЛ УВЕЧЬЕ

*Определение по делу № 031302.
Иск Пахомова о возмещении вреда*

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 12 апреля 1952 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решения народного суда 1-го участка Первомайского района г. Москвы от 9 но-

ября 1950 г. и от 14 июня 1951 г. и на определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР от 28 декабря 1951 г. по иску Пахомова о возмещении вреда.

Судебная коллегия по граждан-

ским делам Верховного суда СССР установила:

В мае 1950 года Пахомов обратился в суд с иском к Лесозаготовительному управлению и к Мантуровскому райисполкому Совета депутатов трудящихся о возмещении вреда, причиненного повреждением здоровья во время работы на лесозаготовках.

Из материалов дела усматривается, что Пахомов, являвшийся членом колхоза имени Чапаева, в 1945 году Мантуровским райисполкомом был направлен на лесозаготовки на ст. Синезерки Брянской области.

11 августа 1945 г. во время работы с Пахомовым произошел несчастный случай, в результате которого он получил повреждение позвоночника и утратил 100% как общей, так и профессиональной трудоспособности, причем, по заключению главного технического инспектора ЦК профсоюза рабочих леса и сплава, истцу причинено увечье по вине администрации, допустившей нарушение правил техники безопасности.

Народный суд 1-го участка Первомайского района г. Москвы 9 ноября 1950 г. иск Пахомова удовлетворил и обязал Мантуровский райисполком выплачивать истцу ежемесячно до переосвидетельствования по 159 руб. в возмещение утраты трудоспособности и по 150 руб. в возмещение расходов по уходу в месяц до 16 декабря 1950 г.

В 1951 году Пахомов был переосвидетельствован и признан утратившим в связи с увечьем 95% профессиональной и 70% общей трудоспособности. На этом основании Пахомов просил суд продлить взыскание платежей в возмещение вреда.

14 июня 1951 г. народный суд решил взыскивать в пользу Пахомова с Мантуровского райисполкома по 148 р. 80 к. ежемесячно по 23 ноября 1951 г., т. е. до нового медицинского переосвидетельствования истца.

Считая, что при рассмотрении настоящего дела суд не установил надлежащего ответчика, обязанного к

возмещению истцу причиненного вреда, Председатель Верховного суда РСФСР на указанные выше судебные решения принес протест, который Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР определением от 28 декабря 1951 г. отклонила.

Протест Председателя Верховного суда СССР о пересмотре дела подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Обстоятельства, связанные с предъявлением исков, судом с достаточной полнотой не выяснены и даже не установлен надлежащий ответчик, обязанный к возмещению причиненного Пахомову вреда.

Оспаривая правильность предъявленного Пахомовым иска, Мантуровский райисполком указывал, что ответственность по возмещению истцу ущерба могла быть возложена на лесозаготовительное предприятие, в котором Пахомов работал, но не на райисполком, который лишь дал истцу направление на работу в лесозаготовительное предприятие.

По утверждению райисполкома, таким надлежащим ответчиком является Синезерская лесозаготовительная контора. Однако контора также не признала себя обязанной отвечать перед истцом, ссылаясь на то, что увечье Пахомову было причинено 11 августа 1945 г., а Синезерская лесозаготовительная контора существует лишь с 17 декабря 1945 г.

Ссылаясь на это обстоятельство, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР отклонила протест Председателя Верховного суда РСФСР, считая, что поскольку не установлено, в какой лесозаготовительной организации работал истец, то обязанность по возмещению вреда правильно возложена на райисполком, который в свою очередь не лишен права предъявить регрессный иск к организации, на работе в которой истцу было причинено увечье.

Эти соображения Верховного су-

да РСФСР являются неправильными. Не установив надлежащего ответчика по иску, суд не мог выносить по делу решения, тем более возлагать ответственность по иску на организацию, не имевшую к увечью истца отношения.

При новом рассмотрении дела суду необходимо в порядке досудебной подготовки установить, в какой лесозаготовительной организации работал истец в момент причинения ему увечья, в частности выяснить, не является ли Синезерская лесозаготовительная контора, организованная в декабре 1945 года, правопреемником того лесозаготовительного предприятия, в котором истец работал.

Вместе с тем суду следует проверить, не производил ли лесозаготов-

ки для нужд своего района непосредственно сам райисполком.

Если указанное обстоятельство подтвердится, то ответственность за увечье может быть возложена на райисполком.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Решения народного суда 1-го участка Первомайского района г. Москвы от 9 ноября 1950 г. и от 14 июня 1951 г. и определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР от 28 декабря 1951 г. отменить, объединить дела в одно производство и передать на новое рассмотрение по первой инстанции в Московский городской суд.

8. ЛИЦО, ПОЛУЧИВШЕЕ ИНВАЛИДНОСТЬ В СВЯЗИ С ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ ЗАБОЛЕВАНИЕМ И ПОЛУЧАЮЩЕЕ ОТ ОРГАНОВ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПЕНСИЮ, НЕ ВПРАВЕ ТРЕБОВАТЬ ОТ СТРАХОВАТЕЛЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ВОЗМЕЩЕНИЯ ЗА ВРЕД В ПОРЯДКЕ СТ. 413 ГК РСФСР И СООТВЕТСТВУЮЩИХ СТАТЕЙ ГРАЖДАНСКИХ КОДЕКСОВ ДРУГИХ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

Определение по делу № 03/289.

Иск Петухова к Люберецкому заводу о возмещении вреда

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 19 апреля 1952 г. протест Председателя Верховного суда СССР на определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского областного суда от 12 июня 1951 г. по иску Петухова к Люберецкому заводу о возмещении вреда.

Судебная коллегия по гражданским делам установила:

В 1951 году Петухов обратился в суд с иском к Люберецкому заводу о возмещении вреда в связи с полученной в 1948 году инвалидностью.

В исковом заявлении Петухов указал, что он с 1938 по 1948 год работал на Люберецком заводе обрубщиком и ввиду заболевания с этой должности был снят как инвалид III группы с назначением пенсии по линии социального обеспечения.

Исходя из получаемого до инвалидности заработка и учитывая утрату 40% общей и 60% профессиональной трудоспособности, Петухов просил суд взыскать с Люберецкого завода ежемесячно по 775 р. 48 к. и одновременно за прошлое время 16 469 р. 60 к.

Рассмотрев данное дело, народный суд 1-го участка Ухтомского района Московской области решением от 12 апреля 1951 г. постановил: взыскать с Люберецкого завода в пользу Петухова ежемесячно, начиная с 5 ноября 1950 г. по 1 сентября 1951 г., по 775 р. 48 к., а в остальной части иска отказать.

В мае 1951 года Люберецкий завод обратился в народный суд с ходатайством о предоставлении ему права зачета заработка потерпевшего Петухова в счет определенного ему возмещения, поскольку он, будучи инвалидом III группы, продолжает работать на том же заводе.

Определением того же народного суда от 24 мая 1951 г. указанное ходатайство Ухтомского завода было удовлетворено, однако по жалобе Петухова Московский областной суд 12 июня 1951 г. определение народного суда отменил и отказал в удовлетворении ходатайства Ухтомского завода о праве зачета заработка потерпевшего в счет выплачиваемого ему возмещения за причиненный вред.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР считает, что дело подлежит передаче на новое рассмотрение по следующим основаниям:

Согласно ст. 413 ГК РСФСР лицо или предприятие, вносящее страховые взносы за потерпевшего в порядке социального страхования, не обязано возмещать вред, причиненный наступлением страхового случая.

Ответственность на предприятие может быть возложена лишь в том случае, если будет доказано, что вред причинен преступным действием или бездействием страхователя.

По настоящему делу установлено, что инвалидность Петухова наступила не в результате полученного им по вине предприятия увечья, а в связи с профессиональным заболеванием, относящимся к страховому случаю, ввиду чего решение суда о возложении на Люберецкий завод обязанности выплачивать истцу дополнительное к пенсии вознаграждение является неправильным.

Указание в решении суда на то, что истец Петухов получил заболе-

вание по вине завода, основано на заключении технического инспектора ЦК профсоюза, данного им через три года после того, когда Петухов был признан инвалидом III группы, а потому это заключение вообще не может иметь доказательственного значения.

Необоснованность решения суда об удовлетворении иска Петухова подтверждается также и тем, что истец с 1948 года получал пенсию по инвалидности от общего заболевания и лишь в 1951 году ему была назначена пенсия как инвалиду III группы по профессиональному заболеванию.

В настоящее время истец Петухов продолжает работать в должности контролера на том же заводе, получая, помимо пенсии по линии социального обеспечения, заработную плату в размере до 1000 руб. в месяц.

По изложенным соображениям и принимая во внимание, что истец, признанный инвалидом труда III группы по профессиональному заболеванию, права на дополнительное вознаграждение с предприятия по ст. 413 ГК РСФСР не имеет, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Решение народного суда 1-го участка Ухтомского района от 12 апреля 1951 г. и все последующие судебные определения отменить и в удовлетворении иска Петухову о взыскании с Люберецкого завода сельскохозяйственного машиностроения возмещения за вред в связи с инвалидностью отказать.

9. ВОЗМЕЩЕНИЕ ПРИЧИНЕННЫХ УБЫТКОВ ДОЛЖНО СОСТОЯТЬ В ВОЗМЕЩЕНИИ ЛИШЬ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО (РЕАЛЬНОГО) УЩЕРБА В ИМУЩЕСТВЕ, А НЕ УПУЩЕННОЙ ВЫГОДЫ

Определение по делу № 031360.

*Иск прокурора к сахарному заводу и спиртовому заводу
о взыскании в пользу колхоза имени Димитрова 437 596 руб.*

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 26 апреля 1952 г. протест Председателя Вер-

ховного суда СССР на решение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда УССР от 26—27 декабря 1951 г. по иску про-

курора Жмеринского района к Барскому сахарному заводу и Барскому спиртовому заводу о взыскании в пользу колхоза имени Димитрова 437 596 руб. в возмещение вреда.

Судебная коллегия по гражданским делам установила:

Прокурор Жмеринского района Винницкой области, действуя в порядке ст. 3 ГПК УССР, предъявил иск о взыскании с Барского сахарного завода и с Барского спиртового завода в пользу колхоза имени Димитрова 437 596 руб. в возмещение вреда.

Исковые требования мотивированы тем, что сахарный и спиртовой заводы спускали в реку Ров загрязненные воды, вследствие чего в 1951 году погибла рыба, разводимая колхозом в проточных прудах.

Винницкий областной суд решением от 30—31 марта 1951 г. иск удовлетворил частично, взыскав с обоих заводов солидарно в пользу колхоза имени Димитрова 275 630 руб.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда УССР определением от 11 мая 1951 г. решение суда отменила, указав на неисследованность дела, и приняла дело к своему производству.

Решением Судебной коллегии Верховного суда УССР от 26—27 декабря 1951 г. в удовлетворении иска колхозу отказано за недоказанностью исковых требований как по основаниям, так и по размеру.

Протест Председателя Верховного суда СССР, принесенный по делу, подлежит удовлетворению по следующим основаниям: Верховный суд УССР решение об отказе в иске мотивировал тем, что колхоз не доказал наличия в 1951 году рыбы в его прудах и не доказал, что рыба погибла вследствие спуска заводами загрязненных вод в реку Ров.

Такие выводы суда не могут быть признаны правильными, так как они находятся в противоречии с материалами дела, из которых усматривается, что рыба в прудах колхозов

была и что в 1951 году произошла массовая гибель рыбы.

Эти обстоятельства подтверждаются актом от 17 января 1951 г., справкой райсельхозотдела от 30 марта 1951 г. и другими имеющимися в деле документами, а также показаниями допрошенных судом свидетелей.

Из приобщенных к делу заключений Института гидробиологии Академии наук УССР от 27 февраля 1951 г. и Украинского института коммунальной гигиены усматривается, что причиной массовой гибели рыбы в проточных прудах является загрязнение реки Ров сточными заводскими водами.

Верховный суд УССР решение по делу обосновал на выводах экспертов Прокопчука и Ананьева.

При этом суд не учел, что Прокопчук является главным инженером Винницкого сахарного треста, в систему которого входит Барский сахарный завод, и как лицо, имеющее непосредственное служебное отношение к одной из сторон по делу, не должен был участвовать в деле в качестве эксперта.

К тому же, как объяснил Прокопчук в судебном заседании, выяснением причин гибели рыбы в колхозных прудах он не занимался, так как в такого рода вопросах он не компетентен. При этих обстоятельствах заключение эксперта Прокопчука не могло быть положено судом в обоснование решения по делу.

Второй эксперт—инженер Ананьев при производстве экспертизы давал заключение только по вопросу о количестве погибшей рыбы. Поэтому его заключение также не могло быть положено в обоснование решения суда.

Поскольку при разрешении дела Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда УССР не выяснила причин гибели рыбы в колхозных прудах, не установила, по чьей вине колхозу причинен вред, и не определила размера подлежащего возмещению ущерба, решение Су-

дебной коллегии по гражданским делам Верховного суда УССР подлежит отмене, а дело — передаче на новое рассмотрение.

Если при новом рассмотрении дела суд установит, что вред колхозу причинен по вине ответчиков, то, определяя размер вреда, подлежащего возмещению, суду следует иметь в виду, что в силу ст. 410 ГК УССР возмещению подлежит лишь положительный (реальный) ущерб в имуществе. Поэтому требования колхоза о взыскании с ответчиков,

помимо положительного ущерба, также упущенной выгоды являются неосновательными.

На основании изложенного, соглашаясь с протестом, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Решение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда УССР от 26—27 декабря 1951 г. отменить, дело возратить Верховному суду УССР на новое рассмотрение в ином составе суда.

10. НЕПРАВИЛЬНОЕ ВЗЫСКАНИЕ С ОТПРАВИТЕЛЯ ШТРАФА ЗА НЕПРЕДЪЯВЛЕНИЕ ГРУЗА К ПЕРЕВОЗКЕ ПО ВНУТРЕННИМ ВОДНЫМ ПУТЯМ

Определение по делу № 051337.

*Иск Управления Уральского речного пароходства к Чкаловскому городскому топливному тресту о взыскании
145 847 р. 25 к. штрафа*

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 19 апреля 1952 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решения Судебной коллегии по гражданским делам Чкаловского областного суда от 16 ноября 1950 г. и от 15 марта 1951 г., а также на определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР от 21 декабря 1950 г. и от 9 апреля 1951 г. по иску Управления Уральского речного пароходства к Чкаловскому городскому топливному тресту о взыскании штрафа за невыполнение плана перевозок.

Судебная коллегия по гражданским делам установила:

Управление Уральского речного пароходства обратилось в суд с иском о взыскании с Чкаловского городского топливного треста штрафа за непредъявление к перевозке грузов в июне 1950 года.

В обоснование своих исковых требований Управление пароходства ссылалось на то, что в июне 1950 года ответчиком недопредъявлено по плану 3813 т грузов, за что на него в соответствии с условиями договора

и Положением «Об ответственности органов Министерства речного флота и клиентуры за невыполнение государственного плана перевозок» начислен штраф в отыскиваемой сумме.

Рассмотрев дело, Судебная коллегия по гражданским делам Чкаловского областного суда решением от 16 ноября 1950 г. в удовлетворении иска Управления пароходства отказала, признав, что план перевозок не был выполнен по причине мелководья, за что грузоотправитель ответственности нести не может.

По кассационной жалобе Управления пароходства Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР определением от 21 декабря 1950 г. решение Чкаловского областного суда отменила и дело передала на новое рассмотрение.

Последующим решением того же областного суда от 15 марта 1951 г. иск Управления пароходства удовлетворен полностью. Верховный суд РСФСР это решение оставил в силе.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР находит, что решение Чкаловского

областного суда от 15 марта 1951 г. и определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР от 21 декабря 1950 г. и от 9 апреля 1951., подлежат отмене, как вынесенные в противоречии с материалами дела.

В соответствии со ст. 118 ГПК РСФСР каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основание своих требований и возражений.

Между тем по настоящему делу Управление пароходства не представило таких доказательств, которые подтверждали бы ответственность Чкаловского городского топливного треста за невыполнение плана перевозок в июне 1950 года, а те документы, которые представлены истцом, не могли служить основанием к удовлетворению иска.

В деле имеется акт о выполнении государственного плана перевозок за июнь 1950 года, в котором отмечается, что груз в количестве 3813 т не был предъявлен к перевозке по причине мелководья, но в том же акте имеется приписка, что невыполнение июньского плана перевозок объясняется отсутствием у отправителя груза и непредставлением заявок на подачу тоннажа.

В процессе исследования обстоятельств дела было установлено, что эта приписка в акте была učinена начальником пристани отправления по предложению начальника коммерческого отдела Управления пароходства.

Это обстоятельство начальник пристани подтвердил при допросе его в качестве свидетеля в судебном заседании, и, кроме того, этот же свидетель показал, что заявки ответчиком на подачу тоннажа предъявлялись, груз, готовый к отгрузке, имелся, но по причине мелководья перевозка была затруднена.

При таком положении, когда не только не доказана вина отправителя в невыполнении плана перевозки, но и установлено, что этот план не был выполнен по обстоятельствам, исключаящим ответственность сторон, первоначально постановленное областным судом решение об отказе Управлению пароходства в удовлетворении его иска являлось правильным и у Верховного суда РСФСР не было оснований для отмены этого решения.

По изложенным соображениям Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Решение Судебной коллегии по гражданским делам Чкаловского областного суда от 15 марта 1951 г. и определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР от 21 декабря 1950 г. и от 9 апреля 1951 г. отменить, а решение Судебной коллегии по гражданским делам Чкаловского областного суда от 16 ноября 1950 г. об отказе Управлению Уральскому речного пароходства в иске оставить в силе.

11. ДЕЛА О ВЗЫСКАНИИ ШТРАФОВ, НАЛАГАЕМЫХ ГОСАВТОИНСПЕКЦИЕЙ, ПОДВЕДОМСТВЕННЫМ СУДУ

Определение по делу № 031271 о взыскании с Чапыгина штрафа, наложенного Госавтоинспекцией

[Извлечение]

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании от 2 апреля 1952 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение народного суда 1-го участка Ливен-

ского района Орловской области от 10 апреля 1950 г. и на определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР от 9 декабря 1950 г. по заявлению Госавтоинспекции Управления милиции

УМВД по Орловской области о взыскании с Чаплыгина 40 руб.

Судебная коллегия по гражданским делам установила:

26 сентября 1949 г. Чаплыгин был оштрафован Госавтоинспекцией Управления милиции УМВД по Орловской области на основании постановления СНК СССР от 3 июля 1936 г.¹ за нарушение правил безопасности движения на автомашине.

Поскольку Чаплыгин от уплаты наложенного на него штрафа уклонился, Госавтоинспекция обратилась в народный суд с заявлением о принудительном взыскании с ответчика этого штрафа.

Рассмотрев дело, народный суд Ливенского района Орловской области решением от 10 апреля 1950 г. постановил взыскать с Чаплыгина в доход государства 40 руб. штрафа за нарушение правил уличного движения и 10 руб. судебных расходов.

По протесту Председателя Верховного суда РСФСР Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР определением от 9 декабря 1950 г. решение народного суда отменила и производство по делу прекратила по тем мотивам, что в силу п. 39 Инструкции НКЮ СССР № 7 от 1 февраля 1945 г. дела о штрафах, налагаемых Госавтоинспекцией, суду неподведомственны.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене определения Верховного суда РСФСР подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Право Госавтоинспекцией налагать штраф за нарушение установленных правил по автомобильному транспорту предусмотрено Положением Государственной автомобильной инспекции Главного управления РКМ НКВД СССР (постановление СНК СССР от 3 июля 1936 г.), однако этим Положением Госавтоинспекции право на беспорное взыскание наложенного штрафа из заработной платы оштрафованных не предоставлено.

Согласно примечанию к п. 39 Инструкции НКЮ СССР от 1 февраля 1945 г. «О порядке рассмотрения судами дел о взыскании недоимок по обязательным натуральным поставкам, налогам, обязательному окладному страхованию, самообложению и не внесенных в срок штрафов» суду неподведомственны дела о штрафах, налагаемых на должностных лиц санитарной и торговой инспекциями, инспекцией труда, а также о штрафах, налагаемых за нарушение противопожарных правил, и дела о других штрафах, которые взыскиваются на основании специальных постановлений Правительства СССР в беспорном порядке из заработной платы оштрафованных.

Исходя из сказанного, следует признать, что по настоящему делу Верховным судом РСФСР применено ошибочно примечание к п. 39 Инструкции НКЮ СССР от 1 февраля 1945 г. Поскольку возможность взыскания с ответчика штрафа в беспорном порядке исключается, Госавтоинспекция вправе была обратиться в суд с заявлением о немедленной описи имущества оштрафованного и изъятии описанного имущества по истечении десятидневного срока со дня объявления решения суда, если к этому времени оштрафованный не уплатил штрафа.

Получив такое заявление, суд обязан был разрешить дело по существу в соответствии с требованиями п. п. 42—44 указанной выше Инструкции НКЮ СССР от 1 февраля 1945 г.

Однако народный суд допустил нарушение правил рассмотрения дел данной Инструкции, так как, установив, что штраф наложен законно и ответчик в указанный ему срок штрафа не уплатил, народный суд должен был вынести решение не о взыскании штрафа вообще, а постановить решение в соответствии со ст. 44 названной выше Инструкции НКЮ СССР.

Вместе с этим Коллегия Верховного суда СССР считает, что допу-

¹ СЗ СССР 1936 г. № 36, ст. 318.

шенное народным судом нарушение п. 44 Инструкции НКЮ СССР от 1 февраля 1945 г. может быть исправлено без отмены постановленного судом решения, так как законность наложенного на ответчика штрафа и то, что этот штраф им не внесен, по делу доказано.

По изложенным соображениям Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР от 9 декабря 1950 г. отменить, а решение народного суда 1-го участка Ливенского района Орловской области от 20 апреля

1950 г. оставить в силе, изложив резолютивную часть этого решения в следующей редакции:

В обеспечение взыскания наложенного на ответчика Чаплыгина денежного штрафа в размере 40 руб. произвести опись имущества, принадлежащего ответчику, на сумму, необходимую для взыскания штрафа.

Изъять описанное имущество по истечении десятидневного срока со дня объявления решения, если в течение этого времени Чаплыгин не внесет сумму наложенного на него штрафа.

В возмещение судебных издержек по делу взыскать с Чаплыгина в доход бюджета 10 руб.

12. ЗАКОННАЯ СИЛА СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ НЕ ТОЛЬКО НА СТОРОНЫ И ТРЕТЬИХ ЛИЦ, УЧАСТВУЮЩИХ В ДЕЛЕ, НО И НА ИХ ПРАВОПРЕЕМНИКОВ

Определение по делу № 03/189.

Иск Ферсюк к Петренко о праве собственности на дом

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 19 марта 1952 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение народного суда 2-го Сельского участка Ворошиловского района от 6 июля 1948 г., определение Судебной коллегии по гражданским делам Ворошиловградского областного суда от 30 июля 1948 г. и определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда УССР от 25 ноября 1950 г. по иску Ферсюк к Петренко о признании права собственности на дом и о выселении Петренко из дома.

Судебная коллегия по гражданским делам установила:

Гр-ну Обедникову принадлежал дом на праве личной собственности в селе Мануйлово Ворошиловского района Ворошиловградской области.

В 1938 году в связи с переводом по службе в другую местность Обедников сдал дом в аренду шахтоуправлению.

В 1940 году колхоз имени Энгельса обратился в райисполком с хо-

датайством о передаче дома Обедникова колхозу ввиду того, что Обедников в своем доме не живет. В удовлетворении этого ходатайства колхозу было отказано по тем основаниям, что дом является собственностью Обедникова и он имеет право распоряжаться им по своему усмотрению.

Несмотря на это, колхоз в 1941 году предъявил в суде иск к шахтоуправлению и Обедникову о признании за колхозом права собственности на указанный дом и о выселении ответчиков из дома.

Народный суд 1-го участка Ворошиловского района 5 июля 1941 г. иск колхоза удовлетворил. Ворошиловградский областной суд 15 июля 1941 г. отменил это решение и в иске колхозу к шахтоуправлению и Обедникову о признании за колхозом права собственности на дом и о выселении ответчиков из дома отказал, указав в определении, что дом принадлежит Обедникову и колхоз не вправе требовать выселения шахтоуправления.

В апреле 1944 года Обедников предъявил в суде иск о выселении

гр-ки Ферсюк из его дома, ссылаясь на то, что она самовольно заняла дом и добровольно не выезжает.

Рассмотрев этот иск, народный суд 2-го участка г. Ворошиловска 28 апреля 1944 г. постановил признать право собственности на дом за Обедниковым и выселить Ферсюк из дома.

16 мая 1944 г. Судебная коллегия по гражданским делам Ворошиловградского областного суда в части выселения Ферсюк решение народного суда отменила и дело в этой части производством приостановила до окончания войны ввиду того, что Ферсюк является женой военнослужащего, а в части признания права собственности на дом за Обедниковым решение народного суда отменила и дело в этой части производством прекратила на том основании, что Обедников в исковом заявлении не просил суд о признании за ним права собственности на дом и что за Обедниковым уже признано право собственности на этот дом 15 июля 1941 г. областным судом, и определение областного суда никем не отменено.

Так как Ферсюк, заняв принадлежащий Обедникову дом, фактически в доме не жила, то Обедников 13 апреля 1945 г. продал дом Омеляшко по договору купли-продажи за 20 000 руб.

В феврале 1948 года Ферсюк предъявила в суде иск о признании за ней права собственности на указанный дом и о выселении из дома Петренко — мужа Омеляшко, купившей этот дом у Обедникова, ссылаясь на то, что этот дом она купила у колхоза имени Энгельса в 1940 году.

Народный суд 2-го Сельского участка Ворошиловского района 6 июля 1948 г. иск Ферсюк удовлетворил, признал право собственности на дом за Ферсюк, сделку купли-продажи спорного дома между Обедниковым и Омеляшко-Петренко признал недействительной и постановил выселить из указанного дома Петренко

со всеми лицами, совместно с ним проживающими.

Ворошиловградский областной суд 30 июля 1948 г. отменил решение народного суда от 6 июля 1948 г. и дело производством прекратил за неподсудностью его народному суду ввиду того, что договор купли-продажи был оформлен в нотариальном порядке еще в 1945 году и в силу ст. 258 ГК УССР истица не вправе была обращаться с иском в народный суд.

По протесту Председателя Верховного суда УССР Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда УССР определением от 25 ноября 1950 г. отменила определение областного суда от 30 июля 1948 г. о прекращении дела производством как неправильное и оставила в силе решение народного суда от 6 июля 1948 г.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене всех состоявшихся по настоящему делу судебных решений и определений подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Верховный суд УССР, рассматривая в порядке надзора дело по иску Ферсюк к Петренко и к Обедникову о праве на дом и о выселении и оставляя в силе решение народного суда от 6 июля 1948 г., которым договор купли-продажи дома от 13 апреля 1945 г. признан недействительным, а дом признан собственностью Ферсюк, мотивировал свое определение тем, что Ворошиловградский областной суд определением от 16 мая 1944 г. отменил решение народного суда от 28 апреля 1944 г. и в части признания за Обедниковым права собственности на дом дело производством прекратил, а поэтому Обедников не имел права продавать дом, так как он ему не принадлежит.

Приведенные мотивы в определении Судебной коллегии Верховного суда УССР являются неправильными и не соответствуют обстоятельствам дела.

Как указано выше, Ворошилов-

градский областной суд 16 мая 1944 г. прекратил дело в части признания права собственности на дом за Обедниковым не потому, что Обедников не является собственником этого дома, а потому, что его право собственности на дом подтверждено вступившим в законную силу определением областного суда от 15 июля 1941 г., и потому в 1944 году народному суду не следовало выносить решения о вторичном признании права собственности на дом за Обедниковым.

Что касается отмены решения народного суда от 28 апреля 1944 г. в части выселения Ферсюк из дома Обедникова, то и в этой части решение было отменено не потому, что дом не принадлежит Обедникову, а лишь потому, что семья Ферсюк, как семья военнослужащего, до окончания войны выселению не подлежала.

Следовательно, и здесь областной суд исходил из того, что собственником дома является Обедников, а не Ферсюк.

При этих обстоятельствах вывод Судебной коллегии Верховного суда УССР, что определением областного суда от 16 мая 1944 г. Обедникову якобы отказано в признании за ним права собственности на дом и поэтому Обедников не имел права совершать сделку купли-продажи дома, является неправильным и не соответствующим материалам дела.

Утверждение Ферсюк, что она купила дом в колхозе, является не-

обоснованным, так как колхозу еще в 1941 году было отказано в иске о праве на спорный дом, и поэтому колхоз не мог продавать этот дом Ферсюк, а если колхоз и продал, то продал не принадлежащий ему дом, и Ферсюк вправе предъявить свои требования только к колхозу о возврате денег за дом, если имеются доказательства, подтверждающие, что действительно она уплатила колхозу деньги.

При этих обстоятельствах у народного суда не было оснований для удовлетворения иска Ферсюк о признании права собственности на дом и о выселении Петренко. Поэтому следует признать, что Верховный суд УССР неосновательно решение народного суда по этому делу оставил в силе.

Принимая во внимание, что обстоятельства по делу выяснены и в деле имеется достаточно доказательств для разрешения его по существу без передачи дела на новое рассмотрение, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить решение народного суда 2-го Сельского участка Ворошиловского района от 6 июля 1948 г., определения Судебных коллегий по гражданским делам Ворошиловградского областного суда от 30 июля 1948 г. и Верховного суда УССР от 25 ноября 1950 г. и в иске Ферсюк к Петренко и Обедникову о признании права собственности на дом и о выселении отказать.

13. ОТМЕНА РЕШЕНИЯ ЗА НАРУШЕНИЕМ СТ. 2 ГПК УССР

*Определение по делу № 03/319.
Иск Управления Южно-Донецкой ж. д. к Ковельскому райпотребсоюзу о взыскании 9752 р. 60 к.*

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 16 апреля 1952 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение народного суда Ковельского района от 14 сентября 1950 г. и определение

Судебной коллегии по гражданским делам Волынского областного суда от 4 октября 1950 г. по иску Управления Южно-Донецкой ж. д. к Ковельскому райпотребсоюзу о взыскании 9752 р. 60 к. за недостачу груза.

Судебная коллегия по гражданским делам установила:

Облпотребсоюз по отправке Ковельского райпотребсоюза получил груз с недостачей на 9202 р. 60 к. В связи с этим облпотребсоюз предъявил в суде иск о взыскании 9202 р. 60 к. с перевозчика — Управления Южно-Донецкой ж. д. — или с отправителя — Ковельского райпотребсоюза.

Народный суд 1-го участка г. Ясиноватая Сталинской области решением от 20 марта 1950 г. признал, что недостача груза произошла по вине перевозчика, а не грузоотправителя, ввиду чего народный суд взыскал с Управления Южно-Донецкой ж. д. в пользу облпотребсоюза 9202 р. 60 к. за недостачу груза и 552 руб. судебных издержек. В порядке взаимных расчетов между дорогами эта сумма была отнесена на счет дороги отправления — Управления Ковельской ж. д.

Считая, что недостача груза произошла не по вине железной дороги, а по вине отправителя груза, Управление Ковельской ж. д. в 1950 году заявило в суде иск о взыскании отнесенной на него суммы 9752 р. 60 к. с Ковельского райпотребсоюза.

Народный суд Ковельского района решением от 14 сентября 1950 г. иск Управления Ковельской ж. д. удовлетворил и взыскал в его пользу с Ковельского райпотребсоюза 9752 р. 60 к.

Судебная коллегия по гражданским делам Волинского областного суда определением от 4 октября 1950 г. это решение оставила в силе.

Считая, что решение народного суда от 14 сентября 1950 г. и определение областного суда от 4 октября 1950 г., как вынесенные с нарушением ст. 2 ГПК УССР, являются

незаконными, Председатель Верховного суда СССР в протесте просит эти решение и определение отменить и дело по иску Управления Ковельской ж. д. к Ковельскому райпотребсоюзу производством прекратить.

Протест подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

В соответствии со ст. 100 Устава железных дорог СССР все споры, вытекающие из договора железнодорожной перевозки, рассматриваются исключительно в судах по месту нахождения управления дороги назначения.

В силу этого народный суд Ковельского района не имел права принимать к своему производству иск Управления Ковельской ж. д., которая является дорогой отправления, а не назначения.

К тому же спор между железной дорогой, получателем и отправителем груза уже был разрешен народным судом 1-го участка г. Ясиноватая, что в соответствии со ст. 2 ГПК УССР исключало возможность вторичного рассмотрения этого спора народным судом Ковельского района.

По изложенным основаниям решение народного суда Ковельского района и определение Волинского областного суда подлежат отмене, а дело прекращению.

Соглашаясь с доводами протеста, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Решение народного суда Ковельского района от 14 сентября 1950 г. и определение Судебной коллегии по гражданским делам Волинского областного суда от 4 октября 1950 г. отменить, дело по иску Управления Ковельской ж. д. к Ковельскому райпотребсоюзу о взыскании 9752 р. 60 к. прекратить.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Определения коллегий Верховного суда СССР по уголовным делам	1
Определения судебных коллегий по гражданским делам Верховного суда СССР	27

СПбГУ

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Орловский И. (редактор), Астахов П. А., Былинкина А. П.,
Зейдин Л., Романова А. А., Успенский В. А.

Издатель: Государственное издательство юридической литературы,
Москва, Таганская ул., Товарищеский пер., 19. Тел. Ж-246-67.

A-00184. Сдано в произв. 5/VII 1952 г. Подписано к печати 23/VII 1952 г.
Уч.-изд. л. 4,20 Бумага 70 × 108¹/₁₆ = 1,5 бумажных — 4,11 печат. л. 3
Зак. 1200. Тираж 35 070 экз. Цена 1 р. 50 к.

Технический редактор *Е. В. Мулин*

13-я типография Главполиграфиздата при Совете Министров СССР.
Москва, Гарднеровский пер., 1а.

Цена 1 р. 50 к.

СПбГУ